Висенте Бласко-Ибаньес

Детоубийцы

Висенте Бласко-Ибаньес
Детоубийцы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3167295

Аннотация

«Какъ каждый вечеръ, почтовая барка дала знать о своемъ приход# въ Пальмаръ н#сколькими звуками рожка.

Перевозчикъ, худой челов#къ, съ однимъ отр#заннымъ ухомъ, переходилъ отъ дверей къ дверямъ, собирая порученія въ Валенсію, и, подходя къ незастроеннымъ м#стамъ единственной улицы, снова и снова трубилъ, чтобы предупредить о своемъ присутствіи разс#янныя по берегу канала хижины. Толпа почти голыхъ ребятишекъ сл#довала за нимъ съ чувствомъ благогов#нія. Имъ внушалъ уваженіе этотъ челов#къ, четыре раза въ день пере#зжавшій Альбуферу, увозя въ Валенсію лучшую часть улова изъ озера и привозя тысячи предметовъ оттуда, изъ города столь таинственнаго и фантастическаго для этой д#творы, выросшей на остров# тростниковъ и ила…»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

I 4
II 13
III 24
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Висенте Бласко Ибаньесъ
Д#тоубійцы
(Илъ и тростникъ)

I

Какъ каждый вечеръ, почтовая барка дала знать о своемъ приход# въ Пальмаръ н#сколькими звуками рожка.

Перевозчикъ, худой челов#къ, съ однимъ отр#заннымъ ухомъ, переходилъ отъ дверей къ дверямъ, собирая порученія въ Валенсію, и, подходя къ незастроеннымъ м#стамъ единственной улицы, снова и снова трубилъ, чтобы предупредить о своемъ присутствіи разс#янныя по берегу канала хижины. Толпа почти голыхъ ребятишекъ сл#довала за нимъ съ чувствомъ благогов#нія. Имъ внушалъ уваженіе этотъ челов#къ, четыре раза въ день пере#зжавшій Альбуферу, увозя въ Валенсію лучшую часть улова изъ озера и привозя тысячи предметовъ оттуда, изъ города столь таинственнаго и фантастическаго для этой д#творы, выросшей на остров# тростниковъ и ила.

Изъ трактира *Сахара*, главнаго учрежденія Пальмара, вышла группа жнецовъ съ м#шками на плечахъ отыскать себ# м#сто на барк#, чтобы вернуться къ себ# домой. Толпами подходили женщиеы къ каналу, похожему на венецианскій переулокъ, по краямъ котораго ютились хижины и садки, гд# рыбаки хранили угрей. Въ мертвой вод#, отливавшей блескомъ олова, неподвижно покоилась почтовая барка, словно большой гробъ, наполненный людьми и поклажей, почти до краевъ погруженный въ воду. Трехугольный парусъ съ темными заплатами кончался полинявшимъ лоскуткомъ, когда#то бывшимъ испанскимъ флагомъ, свид#тельствовавшимъ о казенномъ характер# ветхой барки…

Вокругъ нея стояла нестерпимая вонь. Ея доски хранили запахъ корзинъ съ угрями и грязи сотни пассажировъ: то была отвратительная см#сь запаха пропот#вшей кожи, чешуи рыбъ, выросшихъ среди ила, грязныхъ ногъ и засаленнаго платья. Отъ постояннаго сид#нія скамейки барки лоснились и блест#ли.

Пассажиры, въ большинств# случаевъ жнецы изъ Перелльо, что на самой границ# Альбуферы, у самаго моря, съ громкимъ крикомъ требовали, чтобы перевозчикъ тронулся поскор#е въ путь. Баржа уже переполнена! Въ ней н#тъ больше м#ста.

Такъ оно и было. Однако перевозчикъ, обращая къ нимъ обрубокъ отр#заннаго уха, какъ будто для того, чтобы ихъ не слышать, медленно разставлялъ въ барк# корзины и м#шки, которые женщины протягивали ему съ берега. Каждый новый предметъ вызывалъ протесты. Пассажиры т#снились или м#няли м#сто. Новые пришельцы выслушивали съ евангельской кротостью дождь ругательствъ, сыпавшихся на нихъ изъ устъ т#хъ, кто уже устроился. Немного терп#нія! Пусть имъ дадутъ столько м#ста, сколько имъ Богъ дастъ на небесахъ! Подъ тяжестью груза барка погружалась все глубже въ воду. Т#мъ не мен#е перевозчикъ, привыкшій къ см#лымъ пере#здамъ, не обнаруживалъ ни мал#йшаго безпокойства. Въ барк# не было уже ни одного свободнаго м#ста. Двое пассажировъ уже сгояли на борту, схватившись за мачту. Другой пом#стился на носу, точно галіонъ большого корабля. Т#мъ не мен#е среди всеобщихъ криковъ протеста перевозчикъ еще разъ спокойно затрубилъ въ рожокъ. Боже Праведный! Ужели для разбойника и этого недостаточно? Ужели они проведутъ весь вечеръ зд#сь подъ лучами сентябрьскаго солнца, бросавшаго косые жгучіе лучи, сжигая имъ спины?

Вдругъ воцарилось молчаніе.

Пассажиры барки увид#ли, какъ по берегу канала приближается челов#къ, поддерживаемый двумя женщинами, скелетъ, б#лый и дрожащій, съ горящими глазами, закутанный въ од#яло. Казалось, вода кип#ла отъ жары л#тняго вечера. Въ барк# люди вспот#ли и каждый старался освободиться отъ липкаго прикосновенія сос#да. А этотъ челов#къ дрожалъ, стуча зубами въ ужасныхъ припадкахъ лихорадки, какъ будто для него міръ былъ окутанъ в#чной ночью. Поддерживавшія его женщины громко протестовали, видя что никто изъ пассажировъ не двигается. Должны же они дать ему м#сто! Это больной работникъ. Кося рисъ онъ заразился проклятой альбуферской перемежающейся лихорадкой и #халъ теперь въ Русафу л#читься въ дом# какихъ#то родственниковъ. Разв# они не христіане? Хоть каплю состраданія! Одно м#стечко!..

И дрожавшее отъ лихорадки привид#ніе повторяло, какъ эхо, прес#кавшимся отъ озноба голосомъ:

– Хоть каплю состраданія!

Его втолкнули въ барку, но эгоистическая толпа не разступилась передъ нимъ. Не найдя нигд# м#ста, онъ опустился на дно барки, среди ногъ пассажировъ, въ отвратительной обстановк#, причемъ лицо его касалось грязныхъ башмаковъ и запачканныхъ иломъ сапогъ; народъ, казалось, привыкъ къ такимъ сценамъ. Барка служила р#шительно для всего. Она перевозила съ#стные припасы, больныхъ и мертвецовъ. Каждый день она набирала больныхъ, перевозя ихъ въ предм#стье Русафы, гд# обитатели Пальмара, лишенные всякихъ медицинскихъ средствъ, л#чились въ наемныхъ квартиркахъ отъ перемежающейся лихорадки. Когда умиралъ б#днякъ, не влад#вшій собственной баркой, гробъ ставили подъ скамейку, и пассажиры отправлялись въ путь одинаково равнодушно, см#ясь и разговаривая, толкая ногами останки покойника.

Когда больной спрятался на дн# барки, снова поднялись протесты. И кого еще ждетъ одноухій? Разв# еще кого#нибудь недостаетъ? И вдругъ вс# почти пассажиры встр#тили взрывами см#ха парочку, выходившую изъ дверей трактира *Сахара*, у самаго канала.

– Дядюшка Пако! – кричали многіе. Дядюшка *Сахаръ*! Трактирщикъ, огромнаго роста челов#къ, толстый, страдавшій водянкой, шелъ маленькими подпрыгивающими шажками, то и д#ло жалуясь, по д#тски вздыхая и опираясь на свою жену Нелету, маленькую женщину съ безпорядочными рыжими волосами и живыми зелеными глазами, мягко ласкавшими своимъ бархатомъ. О! Знаменитый *Сахаръ*! Всегда онъ боленъ и жалуется, а его жена, съ каждымъ днемъ все бол#е красивая и очаровательная, царитъ изъ#за своего прилавка надъ вс#мъ Пальмаромъ и Альбуферой. Онъ страдаетъ бол#знью богачей: у него слишкомъ много денегъ и онъ пользуется слишкомъ хорошей жизнью! Стоитъ только посмотр#ть на его брюхо, на его красное, какъ м#дь лицо, на его щеки, которыя почти скрывали его круглый носъ и заплывшіе жиромъ глаза. Такой бол#знью, пожалуй, каждому захочется страдать! Вотъ если бы ему пришлось зарабатывать себ# кусокъ хл#ба, стоя по поясъ въ вод# и кося рисъ, онъ не почувствовалъ бы себя больнымъ! – Съ трудомъ поставилъ трактирщикъ одну ногу въ барку, слабо вздыхая, все попрежнему опираясь на Нелету, ворча на толпу, изд#вавшуюся надъ его бол#знью. Онъ знаетъ, какъ чувствуетъ себя. О Боже! И онъ устроился на м#ст#, которое ему уступили съ той угодливостью, съ которой деревенскій людъ относится къ богачамъ, между т#мъ, какъ его жена нисколько не смущалась шутливыми комплиментами т#хъ, кто находили ее такой возбужденной и хорошенькой.

Она помогла мужу открыть большой зонтикъ, поставила рядомъ съ нимъ корзину съ провизіей, хотя путешествіе не продолжится и трехъ часовъ, и попросила наконецъ перевозчика какъ можно больше заботиться о ея Пако. Онъ на н#которое время отправляется въ свой домикъ въ Русаф#. Тамъ его будутъ л#чить хорошіе врачи. Б#днякъ немного боленъ. Она говорила все это улыбаясь, съ невиннымъ видомъ, лаская глазами смягчившагося перевозчика, который при первыхъ колебаяіяхъ барки закачался, какъ будто былъ сд#ланъ изъ жела-

тина. Онъ не обращалъ никакого вниманія на насм#шливое подмигиваніе толпы, на ироническіе взгляды, которые переходили отъ жены на трактиршика, сид#вшаго сгорбившись на своемъ м#ст# подъ зонтикомъ и вздыхавшаго со скорбнымъ ворчаніемъ.

Перевозчикъ уперся длиннымъ шестомъ въ берегъ и барка поплыла по каналу, сопровождаемая голосомъ Нелеты, продолжавшей съ загадочной улыбкой просить вс#хъ друзей, чтобы они позаботились о ея муж#.

По мусору на берегу всл#дъ за баркой поб#жали курицы. Стаи утокъ махали крыльями около носа, взбаломутившаго зеркальную гладь канала, въ которомъ верхомъ внизъ отражались хижины и черныя барки, привязанныя къ садкамъ съ соломенными крышами вровень съ водой, украшенными наверху деревянными крестами, которые точно должны были водившихся въ ней угрей поставитъ подъ покровительство неба.

Выйдя изъ канала, почтовая барка стала скользить между рисовыми плантаціями, огромными полями жидкаго ила, покрытыми колосьями бронзовой окраски. Жнецы, погруженные въ воду, подвигались впередъ съ серпами въ рук# и маленькія лодки, черныя и узкія, какъ гондолы, воспринимали въ свои н#дра снопы, чтобы отвести ихъ на гумно. Посредин# этой водяной растительности, представлявшей какъ бы продолженіе каналовъ, поднимались то тамъ, то зд#сь, на илистыхъ островахъ, б#лые домики, съ трубами. То были машины, орошавшія или высушивавшія смотря по надобности поля.

Высокіе берега скрывали с#ть каналовъ, широкія *шоссе*, по которымъ плыли нагруженныя рисомъ парусныя барки. Ихъ корпуса оставались незримыми и большіе треугольные паруса скользили надъ зеленью полей, въ вечерней тишин#, какъ призраки, идущіе по твердой земл#…

Пассажиры разсматривали поля глазами знатоковъ, высказывая свое мн#ніе объ урожа#, и жал#я судьбу т#хъ, земля которыхъ пропиталась селитрой, уничтожавшей рисъ.

Барка сколъзила по тихимъ каналамъ съ желтоватой водой, отливавшей золотистымъ цв#томъ чая. Въ глубин#, подъ прикосновеніемъ киля, водоросли наклоняли свои головки. Благодаря царившей кругомъ тишин# и зеркальной глади воды т#мъ явственн#е слышались вс# звуки. Когда разговоръ прекращался, ясно раздавались жалобные вздохи больного подъ скамейкой и упорное ворчанье *Сахара*, борода котораго упиралась въ грудь. Отъ дальнихъ почти невидимьгхъ барокъ доносились, усиленные тишиной, звуки удара весломъ о палубу, скршгь мачты и голоса рыбаковъ, ув#домлявшихъ о своемъ присутствіи, чтобы изб#жать столкновенія на поворотахъ каналовъ.

Одноухій перевозчикъ оставилъ шестъ. Перепрыгивая черозъ ноги пассажировъ, онъ бросался отъ одного конца барки къ другому, устанавливая парусъ, чтобы использовать слабую вечернюю бризу.

Барка въ#хала въ озеро, въ ту часть Альбуферы, которая была залолнена камышемъ и островками, и гд# приходилось плыть съ предосторожностью. Горизонтъ расширялся. По одну сторону видн#лась темная волнистая линія сосенъ Деесы, отд#лявшей Альбуферу отъ моря, почти д#вственный л#съ, тянувшійся на ц#лыя мили, гд# пасутся дикіе буйволы и живутъ большія зм#и, которыхъ очень немногіе вид#ли, но о которыхъ вс# съ ужасомъ говорятъ въ ночной часъ. На противоположной сторон# – безграничная равнина рисовыхъ полей, теряющаяся на дальнемъ горизонт# у Сольяны и Суеки, сливаясь съ отдаленными горами. Напротивъ – камыши и островки, скрывавшіе свободныя части озера. Барка скользила между ними, зад#вая носомъ водяныя растенія, касаясь парусомъ тростниковъ, выдававшихся съ берега. Спутанныя темныя склизікія растенія поднимались на поверхность, подобно липкимъ щупальцамъ, опутывая шестъ перевозчика, и глазъ тщетно старался проникнуть въ угрюмую больную фауну, въ н#драхъ которой копошились животныя, созданія ила. Взоры вс#хъ выражали одну и ту же мысль. Кто упадетъ туда, не скоро выберется.

Стадо быковъ паслось на берегу, среди камышей и болотъ, на границ# съ Деесой. Н#которые изъ нихъ, переплывъ къ ближайшимъ островкамъ, погрузившись по самый животъ въ грязь, жевали жвачку среди тростника, и когда двигали тяжелыми ногами, то вода издавала громкое бульканье. Н#которые были большіе, грязные, съ боками, покрыгыми корой, съ огромными рогами и слюнящейся мордой. Они дико гляд#ли на нагруженную барку, скользившую между ними, и при каждомъ движеніи ихъ головъ кругомъ разлеталось облако большихъ комаровъ и снова усаживалось на ихъ кудрявыхъ лбахъ.

На небольшомъ разстояніи, на возвышеніи, представлявшемъ ничто иное, какъ узкую полосу ила между двумя пространствами воды, пассажиры барки увид#ліи сид#вшаго на корточкахъ челов#ка.

Жители Пальмара знали его.

– Смотрите, *Піавка*! – вскричали они. – Пьяница *Піавка*!

И размахивая шляпами, они громко крича спрашивали его, гд# онъ выпилъ утромъ и не думаетъ ли онъ зд#сь переночевать. *Піавка* оставался неподвижееъ, потомъ, выведенный изъ терп#нія см#хомъ и криками пассажировъ, всталъ, сд#лалъ легкій пируэтъ, ударилъ себя н#сколько разъ по задней части т#ла, съ выраженіемъ презр#нія, и снова съ серьезнымъ видомъ прис#лъ.

Когда онъ всталъ, раздались еще бол#е громкіе взрывы см#ха, вызванные его страннымъ видомъ. На шляп# красовался высокій султанъ изъ цв#товъ Деесы, а на груди и вокругъ лица вис#ли гирлянды изъ л#сныхъ колокольчиковъ, растушихъ среди береговыхъ тростниковъ.

Вс# говорилй о немъ! Что за типъ этотъ *Піавка*! Другого такого не было въ деревняхъ на озер#! Онъ твердо р#шилъ не работать, какъ работаетъ большинство людей, говоря, что трудъ есть оскорбленіе Бога, и ц#лый день искалъ кого#нибудь, кто пригласитъ его выпить. Онъ напивался до пьяна въ Перелль*о,* чтобы выспаться въ Пальмар#. Онъ выпивалъ въ Пальмар#, чтобы на другой день проснуться въ Салер# и, когда бывали праздники среди обитателей материка, его можно было вид#ть въ Силь# или Катаррох#, гд# онъ разыскивалъ среди землед#льцевъ Альбуферы челов#ка, который его угостилъ бы. Было по истин# чудомъ, что его не нашли мертвымъ на дн# какого#нибудь канала посл# столькихъ путешествій п#шкомъ въ состояніи полнаго опьяненія, по самой окраин# рисовыхъ полей, узкой, какъ остріе топора, по каналамъ, погрузившись по самую грудь въ воду, и по колеблющемуся илу, куда никто не рискнулъ бы отправиться, разв# только въ барк#. Его домомъ была вся Альбуфера. Инстинктъ сына озера спасалъ его отъ опасностей и часто ночью, являясь въ трактиръ *Сахара*, чтобы выпросить себ# стаканчикъ, онъ хранилъ на себ# липкіе сл#ды и запахъ ила, точно настоящій угорь.

Прислушиваясь къ бес#д#, трактирщикъ кряхтя бормоталъ. «*Піавка*! Ну и безстыдникъ! Тысячу разъ онъ ему запрещалъ заходить…» Пассажиры см#ялись, вспоминая странныя украшенія бродяги, его страсть покрывать себя цв#тами и в#нками, какъ дикаръ, какъ только въ его голодномъ желудк# начинало д#йствовать вино.

Барка въ#зжала все дальше въ озеро. Между двумя линиями тростяика, похожими на молъ гавани, видн#лось обширное пространство гладкой блестящей, голубовато – б#лой воды. Это была собственно Альбуфера, свободное озеро, по которому на значительномъ разстояніи другъ отъ друга были разбросаны группы тростника, гд# искали себ# пріютъ пресл#дуемыя городскими охотниками озерныя птицы. Барка плыла вдоль Деесы, гд# участки ила, покрытые водой, постепенно переходили въ рисовыя поля.

На маленькой лагун#, окаймленной возвышеніями изъ ила, челов#къ кр#пкаго т#лосложенія, стоя въ барк#, высыпалъ изъ корзинъ землю въ воду. Пассажиры съ удивленіемъ смотр#ли на него. То былъ дядюшка Тони, сынъ дядюшки *Голубя*, и въ свою очередь отецъ

Тонета, прозваннаго *Кубинцемъ*. При упоминаніи этого имени многіе посмотр#ли насм#шливо на трактирщика, продолжавшаго кряхт#ть, какъ будто ничего не зам#чая.

Во всей Альбуфер# не было лучшаго работника, ч#мъ дядюшка Тони. Онъ р#шилъ во что бы то ни стало стать собственникомъ, им#ть свои рисовыя поля и не жить рыбной ловлей, какъ дядюшка *Голубь*, стар#йшій изъ рыбаковъ Альбуферы. И такъ какъ семья помогала ему только по временамъ, утомленная грандіозностью предпріятія, то онъ одинъ наполнялъ землей, пріивезенной изъ далека, глубокую яму, уступленную ему богатой барыней, не знавшей, что ей д#лать съ ней.

Для одного челов#ка это была работа ц#лыхъ л#тъ, быть можетъ ц#лой жизни. Дядюшка *Голубь* см#ялся надъ нимъ, сынъ помогалъ ему только изр#дка, но сейчасъ же уставалъ. Тони же съ несокрушимой в#рой продолжалъ свое д#ло съ помощью только *Подкидыша*, б#дной д#вушки, которую его покойная жена взяла изъ воспитательнаго дома, д#вушки робкой и трудолюбивой, какъ онъ самъ.

«Богъ въ помощь, дядюшка Тони! Не унывай! Скоро выростетъ рисъ на его пол#!» И барка удалялась, тогда какъ упрямый работникъ поднялъ голову лишь на мгновеніе, чтобы отв#тить на ироническія прив#тствія.

Н#сколько поодаль, пассажиры увид#ли на маленькой барочк#, похожей на гробъ, дядюшку *Голубя* около ряда колышекъ, гд# онъ опускалъ свою с#ть, чтобы ее вынуть на сл#дующій день.

Въ барк# обсуждали вопросъ, девяносто ли л#тъ старику или онъ приближается въ сотн#. И чего только не видалъ онъ, не покидая Альбуферы! Сколькихъ людей онъ зналъ! И они повторяли преувеличенные народнымъ легков#ріемъ разсказы о его фамильярныхъ дерзостяхъ съ генераломъ Примъ, которому онъ служилъ перевозчикомъ во время его охоты на озер#, о его грубости съ важными барынями и даже королевами. Какъ будто догадываясь объ этихъ комментаріяхъ и пресытявшись славой, онъ продолжалъ стоять сгорбившись, разсматривая с#ти, показывая спину въ блуз# съ широкими кл#тками и черную шляпу, нахлобученную до самыхъ сморщенныхъ ушей, казалось, отд#лявшихся отъ головы. Когда почтовая барка подъ#хала, онъ поднялъ голову, показывая черную продасть беззубаго рта и круги красноватыхъ морщинъ вокругъ глубоко лежавшихъ глазъ, въ которыхъ св#тилась искорка ироническаго блеска.

В#теръ св#ж#лъ. Парусъ вздувался и нагруженная барка при каждомъ толчк# наклонялась, такъ что вода забрызгивала спины т#хъ, кто сид#лъ на краю. Около носа вода, разс#каемая сильными ударами, издавала съ каждымъ разомъ все бол#е громкое бульканье. Барка находилась теперь въ самой настояшей Альбуфер#, въ безграничномъ *простор#*, лазурномъ и гладкомъ, какъ венеціанское зеркало, въ которомъ отражались въ опрокинутомъ вид# барки и отдаленные берега съ слегка извилистыми очертаніями. Казалось, въ глубин# озера несутся облака, какъ хлопья б#лой шерсти. На берегу Деесы н#сколько охотниковъ, сопровождаемые собаками, отражались въ вод# головою внизъ. Въ томъ направленіи, гд# находился материкъ, м#стечки Риберы, благодаря большому разстоянію, казалось, плыли по озеру.

В#теръ, съ каждой минутой кр#пчавшій, изм#нилъ поверхность Альбуферы. Волненіе становилось ощутительн#е, вода принимала зеленый цв#тъ, похожій на цв#тъ моря, дна озера уже не было видно, а на берегахъ, покрытыхъ толстымъ слоемъ песка и раковинъ, волны оставляли теперь желтую накипь п#ны, мыльные пузыри, сверкавшіе на солнц# вс#ми цв#тами радуги.

Барка скользила вдолъ Деесы и передъ ней быстро проносились песчаные холмы съ домиками сторожей на верхушк#, густыя зав#сы кустарниковъ, группы покривившихся сосенъ, странныхъ на видъ, словно куча подвергшихся пытк# т#лъ. Пассажиры, воодушевленные быстротой #зды, возбужденные опасностью, при вид# того, какъ барка однимъ

бокомъ касалась самого озера, прив#тствовали криками другія барки, про#зжавшія вдали и протягивали руки, чтобы почувствовать ударъ волнъ, поднятыхъ быстрымъ ходомъ. У руля вода образовывала воронки. На недалекомъ разстояніи носились дв# темныя птипы, которыя то ныряйи, то посл# долгаго промежутка вновь показывали свои головы, развлекая пассажировъ своими пріемами ловли рыбы. Тамъ дальше, въ заросляхъ на большихъ островахъ изъ тростника *лысухи* и *зеленыя шейки* при приближеніи барки улетали, но медленно, какъ бы чуя, что народъ этотъ мирный. Н#которые пассажиры при вид# ихъ раскрасн#лись отъ волненія. Какъ ловко можно было бы ихъ подстр#лить! Почему запрещаютъ стр#лять безъ разр#шенія, какъ каждому захочется? И между т#мъ, кауъ воинственные среди пассажировъ возмущались, со дна барки слышался стонъ больного, и *Сахаръ*, опаляемый лучами заходившаго солнца, проскальзывавшими подъ его зонтикъ, вздыхалъ, какъ ребенокъ.

Л#съ, казалось, уходилъ къ самому морю, оставляя между собой и Альбуферой обширную низкую равнину, поросшую дикой растительностью, м#стами разъединенной гладкою блестящей полосой маленькихъ лагунъ.

Равнина носила названіе Санча. Среди кустарниковъ паслось стадо козъ, подъ присмотромъ мальчика, и при вид# его въ памяти д#тей Альбуферы воскресла легенда, давшая равнин# ея имя.

Жители материка, возвращавшіеся домой, хорошо заработавъ въ дни жатвы, спрашивали, кто эта Санча, которую женщины называли не безъ страха, и жители озера разсказывали сос#ду – чужестранцу простую легенду, которую вс# заучивали съ д#тскихъ л#тъ.

Маленькій пастухъ, въ род# того, который шелъ теперь по берегу, пасъ когда#то своихъ козъ на той же самой равнин#. Было это много, много л#тъ назадъ и такъ давно, что никто изъ нын#шнихъ обитателей Альбуферы не зналъ этого пастуха, даже дядюшка *Голубь*!

Мальчикъ жилъ, какъ настоящій дикарь, въ одиночеств#, и рыбаки, ловившіе въ озер# рыбу, слышали въ тихіе утренніе часы, какъ онъ кричалъ вдали:

– Санча! Санча!

Санча была маленькая зм#йка, единственная подруга, которая его провожала. На его крикъ подползала отвратительная гадина и пастухъ, подоивъ своихъ лучшихъ козъ, предлагалъ ей блюдце молока. Потомъ, когда солнце начинало припекать, мальчикъ мастерилъ себ# дудку, ср#зая тростники, и наигрывалъ на ней н#жные звуки, а зм#я у его ногъ то вытягивалась, то свивалась, какъ будто хот#ла танцовать подъ тонъ пріятной мелодіи. Иногда пастухъ развлекался т#мъ, что уничтожалъ кольца *Санчи* и растягивалъ ее въ вид# прямой линіи по песку, восхищаясь, какъ она нервными порывами снова свивалась въ кольцо. Когда, угомившись этими играми, онъ гналъ стадо на противоположный конецъ равнины, зм#я сл#довала за нимъ, какъ собачка, или обернувшись вокругъ его ногъ поднималась до самой его шеи и застывала въ такомъ положеніи, какъ мертвая, вперивъ свои алмазные глаза въ глаза пастуха, причемъ пушокъ на его щекахъ поднимался отъ шип#нія ея треугольнаго рта.

Жители Альбуферы считали его колдуномъ и не одна женщина, воруя дрова въ Деес#, при вид# того, какъ онъ подходилъ съ Санчой вокругъ шеи, ос#няла себя знаменіемъ креста, какъ будто передъ ней предсталъ дьяволъ. Вс# поняли, почему пастухъ, ночуя въ л#су, не боялся большихъ гадовъ, киш#вшихъ въ кустарникахъ. Санча, т. е. дьяволъ, охраняла его отъ всякихъ опаоностей.

Зм#я росла и самъ иастухъ возмужалъ, какъ вдругъ пропалъ изъ виду жителей Альбуферы… Говорили, что онъ пошелъ въ солдаты и воевалъ въ Италіи. На дикой равнин# не паслось больше ни одного стада. Выходя на берегъ, рыбаки не осм#ливались зайти въ троестникъ, покрывавшій проклятыя лагуны. Лишившись молока, которымъ ее угощалъ пастушокъ, Санча, в#роятяо, охотилась за безчисленными кроликами Деесы.

Прошло восемь или десять л#тъ и вотъ однажды жители Салера увид#ли, какъ по дорог# изъ Валенсіи шелъ опираясь на палку и съ ранцемъ за плечами, солдатъ, гренадеръ,

худой и желтый, какъ лимонъ, въ черныхъ гетрахъ до самыхъ кол#нъ, въ б#лой куртк# съ красными отворотами, въ шляп# вида митры на волосахъ, заплетенныхъ въ косу. Несмотря на большіе усы, его узнали. Это былъ пастухъ, вернувшійся домой, чтобы снова взглянуть на родныя м#ста. Онъ отправился въ л#съ на берегу озера и достигъ болотистой равнины, гд# раньше пасъ свое стадо. Кругомъ никого. Стрекозы порхали надъ высокимъ камышемъ съ легкимъ стрекотаніемъ, а въ скрытыхъ кустарникомъ болотахъ плескались жабы, обезпокоенные приближеніемъ солдата.

– Санча! Санча! – тихо позвалъ бывшій пастухъ.

Кругомъ ни звука. Лишь издали доносилась сонная п#сенка невидимаго рыбака, ловившаго рыбу въ центр# озера.

– Санча! Санча! – снова крикнулъ солдатъ изв вс#хъ силъ.

Повторивъ еще н#сколько разъ овой призывъ, онъ вдругъ увид#лъ, какъ задвигалась высокая трава, и услышалъ шорохъ раздвигаемаго тростника, словно полэетъ тяжелое т#ло. Среди камыша заеверкали два глаза на одномъ уровн# съ его глазами и къ нему приближалась плоская голова, шипя острымъ, какъ шпилька, языкомъ, тауъ что кровь въ немъ застыла и жизнь, казалось, остановится. То была Санча, но огромная, великол#пная, достигавшая челов#ческаго роста, волочившая среди кустарника свой хвостъ, конца котораго не было видно, съ разноцв#тной шкурой, толстая, какъ стволъ сосны.

– Санча!.. – вскрикнулъ солдатъ, со страхомъ отступая назадъ. – Какъ ты выросла! Какая ты большая!

Онъ хот#лъ уже б#жать. Когда прошло удивленіе, казалось, и старая подруга узнала его и обвилась вокругъ его плечъ, сжимая его кольцомъ своей морщинистой кожи, дрожавшей отъ нервнаго трепета. Солдатъ пробовалъ бороться.

– Оставь меня, Санча, оставь! Не обнимай! Ты слишкомъ ужъ выросла для такихъ игръ!

Другое кольцо скрутило его руки. Ротъ зм#и, какъ въ былые годы, ласкалъ его. Отъ дыханія ея колебались его усы, дрожь ужаса проб#жала по немъ и по м#р# того, какъ кольца все сжимались, солдатъ задыхалея, кости его затрещали, и онъ упалъ на землю, обвитый пеетрыми кольцами зм#и.

Н#сколько дней спустя рыбаки нашли его трупъ, безформенную массу, съ переломленными костями, съ т#ломъ, посин#вшимъ отъ неумолимыхъ объятій Санчи. Такъ умеръ пастухъ, жертвой ласки своей прежней подруги.

Въ барк# чужестранцы, слыша разсказъ, см#ялиеь, тогда какъ женщины безпокойно двигали ногами, воображая, что то, что издавало около ихъ платья глухой стонъ, была Санча, спрятавшаяся на дн# барки.

Озеро кончалось. Еще разъ барка въ#хала въ с#ть каналовъ и далеко, очень далеко, надъ безграничнымъ пространствомъ рисовыхъ полей, выд#лялись домики Салера, ближайшаго къ Валенсіи м#стечка Альбуферы съ гаванью, занятой безчисленнымъ множествомъ лодочекъ и большихъ барокъ, заслонявшихъ горизонтъ своими мачтами, походившими на облупленныя сосны.

Вечеръ кончался. Барка, замедливъ ходъ, скользила по мертвымъ водамъ канала. Т#нь отъ паруса проносилась, какъ облако, надъ рисовыми полями, залитыми краснымъ св#томъ заката, на берегу, на оранжевомъ фон#, выступали силуэты пассажировъ.

То и д#ло, орудуя шестомъ, возвращались люди съ своихъ полей, стоя въ черныхъ лодкахъ, очень маленькихъ, по самые края погруженныхъ въ воду. Эти лодки были какъ бы лошадьми Альбуферы. Вс# представители этой водяной расы съ д#тства научались управлять ими. Безъ нихъ нельзя было ни работать въ пол#, ни нав#стить сос#да, ни вообще существовать. То и д#ло по каналу про#зжалъ ребенокъ или женщина, или старикъ, вс# легко д#йствовали шестомъ, упираясь имъ въ илистое дно, чтобы двигать по мертвымъ водамъ барку, похожую на башмакъ.

По ближайшимъ каналамъ скользили другія лодки, невидимыя за возвышенностями, а надъ кустарникомъ видн#лись фигуры лодочниковъ съ неподвижными шестами, подвигавшихъ барки сильными руками.

Порою пассажиры почтовой барки вид#ли, какъ въ возвышенномъ берегу открывалась широкая брешь, чрезъ которую протекали волны канала безшумно и незам#тно, объятыя сномъ подъ нав#сомъ склизкой пловучей зелени. Въ этихъ входахъ вис#ли на колышкахъ с#ти для ловли угрей. При приближеніи барки, съ рисовыхъ полей выпрыгивали огромныя крысы, исчезая въ ил# каналовъ.

Т#, кто раньше при вид# птицъ озера преисполнились охотничьяго энтузіазма, почувствовали, какъ при вид# крысъ въ нихъ пробуждается ярость. Вотъ кого бы подстр#лить! Былъ бы великол#пный ужинъ!

Люди изъ окрестностей отплевьшались съ чувствомъ отвращенія, среди см#ха и протестовъ жителей Альбуферы. Крысы чрезвычайны вкусны! Какъ они могутъ знатъ, разъ никогда не пробовали ихъ! Болотныя крысы #дятъ только рисъ. Это царское блюдо! Ихъ можно вид#ть на рынк# въ Суек#, со снятой шкурой, пов#шенныхъ дюжинами за длинные хвосты въ лавкахъ мясниковъ. Ихъ покупаютъ богачи. Аристократія населенія Риберы не #стъ ничего другого. И *Сахаръ* считая себя обязаннымъ въ качеств# богача сказать свое слово, пересталъ стонать и серьознымъ тономъ заявилъ, что знаетъ только два вида животныхъ безъ желчи: голубей и крысъ. Этимъ все было сказано.

Бес#да становилась оживленн#е. Выраженное чужестранцами отвращеніе возбудило въ жителяхъ Альбуферы настойчивость. Физическое вырожденіе обитателей озера, нищета народа, лишеннаго мясной пищи, знавшаго только тотъ скотъ, который пасся вдали въ Деес#, всю жизнь довольствующагося угрями и рыбой, вылились наружу въ форм# хвастовства, съ явнымъ желаніемъ ошеломить чужестранневъ выносливостью своихъ желудковъ. Женщины превозносили вкусъ крысъ приготовленныхъ съ рисомъ. Многіе #ли это блюдо не зная, что это такое, и были въ восторг#, словно съ#ли нев#домое мясо. Другіе вспоминали блюдо изъ зм#й, расхваливая ихъ б#лое, сладкое мясо, бол#е вкусное, нежели угорь. Даже одноухій перевозчикъ нарушилъ безмолвіе, которое хранилъ въ теченіи всего пере#зда, чтобы вспомнить о кошк#, которую съ#лъ съ товарищами въ трактир# *Сахара*: она была приготовлена однимъ морякомъ, который, объ#здивъ весь св#тъ, ум#лъ прекрасно готовить подобныя блюда.

Спускалась ночь. Поля темн#ли. При слабомъ св#т# сумерокъ каналъ отливалъ цв#томъ олова. Въ глубин# воды сверкали первыя зв#зды, дрожа, когда по нимъ проходила барка.

Подъ#зжали къ Салеру. Надъ крышами хижинъ поднималея между двумя колоннами колоколъ дома Demana, гд# сходились охотники и рыбаки вечеромъ наканун# охоты, чтобы выбрать м#ста. У дома видн#лся огромный дилижансъ, который долженъ былъ доставить къ городу пассажировъ почтовой барки.

В#теръ затихъ, парусъ вяло вис#лъ вдоль мачты и одноухій д#йствовалъ теперь шестомъ, упираясь въ берега, чтобы подталкивать барку.

По направленію къ озеру #хала небольшая лодка, нагруженная землей. На носу стояла д#вочка, ловко д#йствуя весломъ, а на другомъ конц# ей помогалъ юноша въ большой панам#.

Вс# знали ихъ. Это были д#ти дядюшки Тони, привозившія землю для его поля: *Подкидышъ*, неутомимая работница, стоившая многихъ мужчинъ, и Тонетъ, прозванный *Кубинцемъ*, внукъ дядюшки *Голубя*, первый красавецъ Альбуферы, челов#къ много видавшій и им#вшій, что разсказать.

– До свиданья, Усы! – кричали ему фамильярно.

Ему дали эту кличку въ виду усовъ, ос#нявшихъ его мавританское лицо, украшеніе необычное въ Альбуферы, гд# мужчины вс# брились. Другіе спрашивали его съ ироническимъ испугомъ, съ какихъ поръ онъ сталъ работать. Лодка удалилась, при чемъ Тонетъ, бросившій быстрый взглядъ на пассажировъ, казалось, и не слыхалъ этихъ остротъ.

Н#которые дерзко посматривали на трактирщика, дозволяя себ# т# же грубыя шутки, которыя были въ ходу въ трактир#. Охъ, дядюшка Пако! Онъ #детъ въ Валенсію, а Тонетъ проведетъ ночь въ Пальмар#!

Трактирщикъ сначала д#лалъ видъ, будто не слышитъ, потомъ, не въ силахъ больше терп#ть, нервно выпрямился и въ глазахъ его засверкала искра гн#ва. Но жирная масса т#ла, казалось, была сильн#е его воли и онъ съежился на скамейк#, точно пришибленный сд#ланнымъ усиліемъ, еще разъ скорбно застоналъ и забормоталъ:

– Безстыдники!.. Безстыдники!

II

Хижина дядюшки *Голубя* стояла на одной изъ окраинъ Пальмара. Большой пожаръ расд#лилъ м#стечко на дв# части и изм#нилъ его вн#шность. Половина Пальмара погибла въ огн#. Соломенныя хижины быстро превратились въ пепелъ и ихъ хозяева, желая впредь не опасаться огня, выстроили каменныя зданія, причемъ многіе закладывали свои жалкіе пожитки, чтобы купить матеріалъ, дорого стоившій благодаря перевозк# по озеру. Та часть м#стечка, которая пострадала отъ пожара покрылась домиками съ фасадами, окрашенными въ розовую, зеленую или голубую краску. Остальная часть сохраняла свой прежній видъ съ ея крышами круглыми съ двухъ сторонъ, походившими на опрокинутыя барки, положенныя на глиняныя ст#ны.

Отъ церковной площадки и до самаго конца м#стечка, по направленію къ Деес#, растянулись безпорядочно разс#янныя хижины, отд#ленныя другъ отъ друга изъ опасенія пожара.

Хата дядюшки *Голубя* была самая старая. Ее построилъ еще его отецъ въ ту пору, когда въ окрестностяхъ Альбуферы трудно было найти челов#ка, который не страдалъ бы лихорадкой.

Кустарникъ доходилъ тогда до самыхъ ст#нъ хижины. Куры исчезали по словамъ *Голубя* въ немъ прямо изъ двери, и когда они по прошествіи н#сколькихъ нед#ль снова появлялись, ихъ сопровождала ц#лая свита только что вылупившихся цыплятъ. Еще въ каналахъ охотились за выдрами и населеніе было такъ р#дко, что рыбаки не знали, что д#лать съ уловомъ, попадавшимъ въ с#ти. Валенсія находилась для нихъ на томъ краю св#та и оттуда появлялся лишь маршалъ Сюше, назначенный королемъ Хосе герцогомъ Альбуферы и господиномъ озера и л#са со вс#ми ихъ богатствами.

Его образъ былъ самымъ отдаленнымъ воспоминаніемъ *Голубя*. Старикъ все еще вид#лъ его, какъ онъ стоитъ передъ нимъ съ спутанными волосами и большими бакенбардами, въ с#ромъ редингот# и круглой шляп#, окруженный людьми въ великол#пныхъ мундирахъ, которые заряжали ему ружья. Маршалъ охотился въ барк# отца дядюшки Гояубя и мальчуганъ, прикурнувшій на носу, разсматривалъ его съ восхищеніемъ. Часто онъ см#ялся надъ страннымъ говоромъ маршала, который жаловался на отсталость страны или разсказывалъ объ усп#хахъ войны противъ испанцевъ и англичанъ, о которой обитатели озера им#ли лишь смутныя изв#стія.

Однажды онъ былъ вм#ст# съ отцомъ въ Валенсіи, чтобы поднести герцогу Альбуферы необыкновенной величины угря и маршалъ принялъ ихъ см#ясь, въ великол#пномъ расшитомъ золотомъ мундир#, среди офицеровъ, казавшихся спутниками, получавшими отъ него свой блескъ.

Когда дядюшка *Голубь* возмужалъ и умеръ его отецъ, когда онъ увид#лъ себя собственникомъ хижины и двухъ барокъ, уже не существовало больше альбуферскихъ герцоговъ, и только чиновники, управлявшіе м#стностью именемъ короля, своего господина, превосходные сеньоры изъ города, никогда не заглядывавшіе на озеро, предоставляя рыбакамъ мародерствовать въ Деес# и свободно охотиться на птицъ, живщихъ въ тростникахъ.

То было хорошее время и когда дядюшка *Голубь* вспоминалъ о немъ, своимъ старческимъ голосомъ, въ обществ#, собравшемся въ трактир# *Сахара* молодежь приходила въ восторгъ. Можно было заодно и охотиться и ловить рыбу, нисколько не боясь стражниковъ и штрафовъ! Съ приближеніемъ ночи люди тогда возвращались домой съ дюжинами кроликовъ, пойманныхъ съ помощью хорька въ Деес#, и сверхъ того съ корзинами полными рыбой и связкой птицъ, застр#ленныхъ въ камышахъ. Все принадлежало королю, а король былъ далеко! Тогда было не такъ, какъ теперъ, когда Альбуфера принадлежитъ Государству (что это за челов#къ, интересно знать!), когда существовали монополисты охоты и аренда-

торы Деесы и б#дняки не могли ни выстр#лить, ни собрать охапку дровъ, чтобы въ тотъ же моментъ не являлся стражникъ съ значкомъ на груди, грозясь выстр#лить. Дядюшка *Голубь* унасл#довалъ отъ отца его прдвилегіи. Онъ былъ первымъ рыбакомъ озера и если въ Альбуферу прі#зжало важное лицо, то именно онъ возилъ его по тростниковымъ островкамъ, показывая достоприм#чательности земли и воды. Вспоминалась ему молодая Исабель II, занимавшая своими широкими юбками всю корму украшенной барки; при каждомъ толчк# весла колебался ея красивый д#вичій бюстъ. А люди см#ялись, вспоминая о его путешествіи по озеру съ императрицей Евгеніей. Она стояла на носу барки, стройная, въ амазонк#, съ ружьемъ въ рук#, подстр#ливая птицъ, которыхъ ловкіе гонщики стаями выгоняли изъ тростника криками и палками. А на противоположномъ конц# сид#лъ дядюшка *Голубь* плутоватый, насм#шливый, съ старымъ ружьемъ между ногами, убивалъ птицъ, уходившихъ отъ важной дамы, на ломаномъ кастильянскомъ нар#чіи указывая ей напоявленіе *зеленыхъ шеекъ*: «Ваше величество, – сзади васъ *зеленая шейка*!»

Вс# важныя особы оставались довольны старымъ рыбакомъ. Онъ былъ, правда, дерзокъ, грубъ, какъ истый сынъ лагуны. Если онъ не ум#лъ льстить на словахъ, то т#мъ лучше ум#лъ онъ это д#лать ружьемъ, почтеннымъ, и такъ часто исправленнымъ, что трудно было сказать, какимъ оно было прежде. Дядюшка *Голубь* былъ удивительный стр#локъ. М#стные анекдотисты врали на его счетъ, утверждая напр., что однажды онъ однимъ выстр#ломъ убилъ четырехъ лысухъ. Желая сд#лать удовольствіе важной особ#, посредственному стр#лку, онъ становился сзади него въ барк# и выпускалъ зарядъ въ одно время съ нимъ съ такой точностью, что оба выстр#ла сливались, и охотникъ, при вид# падавшей птицы приходилъ въ восторгъ отъ своей ловкости, тогда какъ рыбакъ за его спиной насм#шливо улыбался. Лучшимъ его воспоминаніемъ былъ генералъ Примъ. Онъ познакомился съ нимъ однажды бурной ночью, перевозя его на своей барк# черезъ оэеро. Время было печальное. Кругомъ рыскала погоня. Генералъ, переод#тый рабочимъ, б#жалъ изъ Валенсіи, посл# неудачной попытки поднять гарнизонъ. Дядюшка *Голубь* проводилъ его до самаго моря и когда онъ его снова увид#лъ много л#тъ спустя, тотъ былъ уже главой правительства и идоломъ націи. Ради отдыха отъ политики онъ иногда уб#галъ изъ Мадрида, чтобы поохотиться на озер#, и дядюшка *Голубь*, ставшій посл# того приключенія бол#е см#лымъ и фамильярнымъ, бранилъ его, какъ мальчика, каждый разъ, когда генералъ промахивался. Онъ совершенно не признавалъ великихъ людей: люди д#лились въ его глазахъ на хорошихъ и плохихъ охотниковъ. Когда герой стр#лялъ и не попадалъ въ ц#ль, рыбакъ приходшгъ въ такую ярость, что обращался съ нимъ на ты. «Генералъ… промаховъ! И это тотъ герой, который совершилъ столько подвиговъ, тамъ въ Мароко? Смотри и учись!» И въ то время, когда славньй ученикъ см#ялся, рыбакъ, почти не ц#лясь, выпускалъ зарядъ и въ воду падала, какъ мячъ, лысуха.

Вс# подобные анекдоты придавали дядюшк# *Голубю* огромный престижъ въ глазахъ населенія озера. Ему стоило бы только открыть ротъ, чтобы попросить чего#нибудь у своихъ покровителей!.. Но онъ в#чно замкнутъ и несговорчивъ, обращается съ важными людьми, какъ съ собутыльниками, заставляя ихъ см#яться надъ его грубостями въ моменты нерасположенія или надъ его хитроумными фразами на двухъ языкахъ, когда онъ хот#лъ быть любезнымъ.

Онъ былъ доволенъ своей жизнью, хотя съ годами она становилась все тяжел#е. Рыбакъ, в#чный рыбакъ! Онъ презиралъ людей, обрабатывавшихъ рисовыя поля. Они были *мужиками*, и въ его устахъ это слово звучало самой худшей бранью.

Онъ гордился т#мъ, что былъ челов#комъ воды и часто предпочиталъ сл#довать по извилистымъ каналамъ вм#сто того, чтобы сократить путь, идя по берегу. Онъ не признавалъ никакой другой твердой земли, кром# Деесы, гд# онъ иногда охотился за кроликами, обра-

щаясь въ б#гство при приближенiи сторожей и съ удовольствiемъ #лъ и спалъ бы въ барк#, которая была для него т#мъ же, ч#мъ раковина для обитателей воды.

Въ старик# вновь ожили инстинкты первобытныхъ расъ, жившихъ на вод#.

Для полнаго счастья ему не нужно было семейной ласки, хот#лось жить, какъ живетъ рыба въ озер# или птица въ тростник#, которая сегодня вьетъ свое гн#здо на островк#, а завтра въ камышахъ. Отецъ р#шился его женить. Онъ не хот#лъ вид#ть, какъ запуст#етъ хижина, д#ло его рукъ, и водяной бродяга былъ теперь вынужденъ жить въ сообществ# съ себ# подобными, спать подъ соломенной крышей, платить священнику и слушаться старосты острова, – мошенника, какъ онъ выражался, который снискивалъ себ# покровительство господъ изъ города, чтобы не работать.

Образъ жены почти не сохранился въ его памяти. Она прожила рядомъ съ нимъ много л#тъ, не оставивъ въ немъ никакихъ другихъ воспоминанiй, какъ о своемъ ум#нiи чинить с#ти и той бойкости съ которой она по пятницамъ м#сила т#сто, въ печи подъ круглой б#лой крышей, походившей на африканскiй муравейникъ, которая стояла на самомъ конц# острова.

У нихъ было много, очень много д#тей… За исключенiемъ одного они вс# *къ счастью* умерли. Это были бл#дныя, бол#зненныя существа, порожденныя съ гнетущей мыслью о пропитанiи, родителями, сходившимися только для того, чтобы согр#ть другъ друга, дрожавшихъ отъ болотной лихорадки. Казалось, они рождались съ перемежающейся лихорадкой вм#сто крови въ жилахъ. Одни умерли отъ истощенiя, питаясь одной только рыбой, водящейся въ пр#сной вод#, другiе утонули въ каналахъ около дома. Выжилъ только одинъ, младшiй, который ц#плялся за жизнь съ безумнымъ страхомъ, не поддаваясь лихорадк# и выжимая изъ истощенной груди матери ту скудную пищу, которую ему могло дать ея в#чно больное т#ло.

Дядюшка *Голубь* переносилъ эти несчастья, какъ н#что логическое и неизб#жное. Надо благодарить Бога, который заботится о б#дныхъ! Просто нестерпимо вид#ть, какъ раэростаются б#дныя семейства и если бы не милость Господа, который время отъ времени убиралъ эту проклятую д#твору со св#ту, въ озер# не осталось бы пищи для вс#хъ и они пожрали бы другъ друга!..

Жена *Голубя* умерла, когда посл#днiй, уже пожилой, былъ отцомъ семил#тняго ребенка. Рыбакъ остался одинъ въ хижин# съ сыномъ Тони. Мальчикъ былъ не глупъ и такой же хорошiй работникъ, какъ его мать. Стряпалъ об#дъ, исправлялъ изъяны хижины и учился у сос#докъ, чтобы отецъ не чувствовалъ отсутствiя въ дом# женщины. Все онъ д#лалъ съ серьезнымъ видомъ, какъ будто страшная борьба за существованiе оставила на его лиц# неизгладимый отпечатокъ грусти. Отецъ былъ счастливъ, когда шелъ къ барк# въ сопровожденьи мальчугана, почти невидимаго подъ грудой с#тей. Онъ росъ очень быстро, становился все сильн#е и дядюшка *Голубь* съ гордостью смотр#лъ, съ какой ловкостью онъ вынималъ изъ воды с#ти или управлялъ баркой по озеру.

– Онъ самый настоящiй мужчина во всей Альбуфер# – говорилъ онъ друзьямъ. Т#ло его окр#пло теперь посл# бол#зней, которыми оно страдало въ д#тств#.

Женщины Пальмара также не могли нахвалитъся его добрымъ нравомъ. Никогда никакихъ безумствъ съ молодежью, собиравшейся въ трактир#, никакихъ забавъ съ н#которыми пропащими головами, которыя посл# рыбной ловли растягивались на живот# въ камышахъ, позади какой#нибудь хаты и проводили ц#лые часы съ засаленными картами въ рукахъ. Всегда серьозный и трудолюбивый, Тони никогда не давалъ отцу мал#йшаго повода быть недовольнымъ. Дядюшка *Голубь*, не любившiй ловить рыбу въ компанiи, такъ какъ приходилъ въ ярость при мал#йшемъ промах# и былъ готовъ побить товарища, никогда не бранилъ сына и когда въ минуты нерасположенiя сердито пыхтя хот#лъ дать ему приказанiе, мальчикъ, догадываясь, въ чемъ д#ло, уже б#жалъ исполнять его.

Когда Тони возмужалъ, отецъ его, любитель бродячей жизни, неспособный привыкнуть къ семейному очагу, испытывалъ т# же наотроенія, что и прежде. Что д#лать имъ однимъ въ одинокой ветхой лачуг#? Ему было непріятно вид#ть, какъ сынъ, широкоплечій и кр#пкій мужчина, сгибается передъ очагомъ въ середин# хижины, раздувая огонь и приготовляя ужинъ. Часто испытывалъ онъ угрызенья сов#сти при вид# того, какъ его короткія, обросшія волосами руки съ жел#зными пальцами мыли кастрюли дли очищали ножомъ рыбу отъ твердой чешуи, отливавшей металлическимъ отблескомъ.

Въ зимнія ночи они оба казались потерп#вшими кораблекрушеніе, спасшимися на одинокій островъ. Не было слышно ни одного слова, ни одного взрыва см#ха, не было слышно женскаго голоса, который развеселилъ бы ихъ. Хижина им#ла мрачный видъ. Посредин# гор#лъ очагъ вровень съ поломъ, небольшое четырехугольное пространство, окаймленное камнями. Напротивъ – кухонный столъ съ небольшимъ количествомъ глиняной и старой фарфоровой посуды. По об# стороны каморка изъ тростника и ила, какъ и вся хата, а надъ каморками, которыя были не выше роста челов#ка, внутренность темной крыши съ слоемъ копоти, накопившейся съ годами, безъ всякаго другого дымоотвода, кром# отверстія въ соломенной крыш#, черезъ которое со свистомъ проходилъ зимній юго – западный в#теръ. Съ потолка свисали непромокаемыя одежды для ночной рыбной ловли, тяжелые твердые штаны, куртки изъ грубой, желтой и блест#вшей отъ масла матеріи, сквозь рукава которыхъ была прод#та палка. Проникая сквозь отверстіе, служившее печной трубой, в#теръ шевелилъ эти странныя куклы, отражавшія на своей грязной поверхности красный св#тъ очага. Казалось обитатели хижины пов#сились на потолк#.

Дядюшка *Голубь* скучалъ. Онъ любилъ поговорить. Въ трактир# онъ ругался во всю, изд#вался надъ другими рыбаками, поражалъ ихъ воспоминаніями о важныхъ лицахъ, которыхъ зналъ, а дома онъ не находилъ, что сказать. Его бес#да не вызывала ни мал#йшей реплики со стороны послушнаго и молчаливаго сына и слова его терялись среди подавляющаго благогов#йнаго безмолвія. Въ трактир# онъ толковалъ объ этомъ со свойственной ему веселой грубостью. Сынъ – челов#къ очень хорошій, но не похожъ на него. Всегда молчаливъ и покоренъ. По вс#мъ в#роятіямъ покойница его обманула. Однажды онъ обратился къ Тони съ властнымъ приказаніемъ древнеримскаго отца, считающаго своихъ сыновей лишенными воли и самолично распоряжающагося ихъ будущностью и жизнью. Онъ долженъ жениться. Такъ д#ло не клеится. Въ дом# не достаеть женщины. И Тони выслушалъ приказъ, какъ будто ему было сказано приготовить къ завтрашнему дню большую барку, чтобы въ Салер# взять охотника изъ Валенсіи. Хорошо. Онъ постарается какъ можно скор#е исполнить приказаніе отца.

И между т#мъ, какъ юноша искалъ себ# нев#сту на собственный рискъ и страхъ, старый рыбакъ сообщалъ о своемъ план# вс#мъ кумушкамъ Палъмара. Его Тони хочетъ жениться. Все ето имущество принадлежитъ сынку: хижина, большая барка съ новымъ парусомъ и другая, хотя и постарше, да пожалуй еще получше, дв# лодки, с#тей и не запомнить сколько, а потомъ сверхъ того пусть он# обратятъ вниманіе на характеръ и положеніе парня, работящаго, серьезнаго, безъ порочныхъ наклонностей, свободнаго отъ воинскюй повинности, такъ какъ вынулъ хорошій жребій. Словомъ: партія, хотя и не блестящая, но его Тони и не голышъ, не какая#нибудь жаба изъ каналовъ. Да еще для д#вицъ изъ Пальмара!

Старикъ, презиравшій женщинъ, плевался при вид# д#вушекъ, среди которыхъ скрывалась его будущая сноха. Н#тъ, не велика штука эти д#вушки съ озера, съ ихъ платьями, мытыми въ гнилой вод# каналовъ, съ запахомъ ила и руками, пропитанными, казалось, липкостью до самыхъ костей. Подъ выжженными солнцемъ волосами, бл#дными и р#дкими, едва обозначались ихъ худыя красноватыя лица, на которыхъ глаза гор#ли огнемъ лихорадки, никогда не проходившей благодаря употребленію воды изъ озера. Ихъ заостренный профиль, узкое, липкое т#ло и отвратительный запахъ юбокъ – все д#лало ихъ похожими на угрей,

словно однообраізное питаніе многихъ покол#ній наложило на нихъ отпечатокъ той рыбы, которой они питались.

Тони остановилъ свой выборъ на одной, на той, которая мен#е другихъ затрудняла его робость. Отпраздновали свадьбу и старикъ им#лъ въ хат# лишнее существо, съ которымъ могъ говорить и которое могъ ругать. Онъ испытывалъ даже н#которое удовлетвореніе, зам#тивъ, что его слова уже не падаютъ въ пустое пространство и что сноха отв#чаетъ протестомъ на его придирки, когда онъ не въ дух#.

Удовольствіе старика было однако нарушено одной непріятностью. Казалось, сынъ его забываетъ семейныя традиціи. Онъ сталъ пренебрегать озеромъ, чтобы искать себ# пропитаніе въ поляхъ, и въ сентябр#, когда жали рисъ и рабочій день оплачивался дорого, онъ покидалъ барку, становясь жнецомъ, какъ многіе другіе, возбуждавшіе негодованіе дядюшки *Голубя*. Подобная работа среди ила, такое жестокое обращеніе съ полями, было по его мн#нію д#ломъ чужестранцевъ, т#хъ, что жили далеко отъ Альбуферы. Д#ти озера были свободны отъ подобнаго рабства. Не даромъ же Богъ поселилъ ихъ около воды, которая была истинной благодатью. Въ ея глубин# покоилась пища для нихъ! Глупости и срамъ работать ц#лый день по самый поясъ въ грязи, съ ногами, искусанными пьявками, и спиной, сожженной солнцемъ, чтобы сжать н#сколько колосьевъ, къ тому же не имъ принадлежащихъ. Ужели его сынъ хочетъ стать *мужикомъ*? И, ставя этотъ вопросъ, старикъ вкладывалъ въ него весь ужасъ, безпред#льную странность неслыханнаго поступка, какъ будто р#чь шла о томъ, что въ одинъ прекрасный день высохнетъ вся Альбуфера.

Въ первый разъ въ жизни Тони осм#лился противор#чить отцу. Весь остальной годъ онъ будетъ ловить рыбу, какъ всегда. Но теперъ онъ женатъ, хозяйство требуетъ все большаго вниманія и было бы неблагоразумно отказываться оть высокой заработной платы въ дни жатвы. Ему платили больше ч#мъ другимъ, въ виду его силы и прилежанія. Надо приспособляться къ временамъ. Съ каждымъ годомъ с#ютъ все больше риса по берегамъ озера, старыя болота засыпаются землей, б#дняки богат#ютъ и онъ не такъ глупъ, чтобы лишиться своей части въ новой жизни! Рыбакъ ворчалъ на эти уклоненія отъ старыхъ домашнихъ обычаевъ. Благоразуміе и серьезность сына вызывали въ немъ чувство уваженія, но разговаривая съ другами рыбаками добраго стараго времени на берегу канала, опершись на весло, онъ изливалъ свое неудовольствіе! Они хотятъ перед#лать Альбуферу! Еще н#сколыво л#тъ и никто ее не узнаетъ. По направленію къ Суек# воздвигаютъ какія#то жел#зныя неуклюжія сооруженія, какіе#то дома съ большими печами – вонъ видите, какой дымъ! Старыя спокойныя и симпатичныя норіи съ ихъ изъ#денными червями деревянными колесами и черными бадьями уступаютъ м#сто адскимъ машинамъ, которыя будутъ двигать воду съ шумомъ тысячи демоновъ. Будетъ чудомъ, если вся рыба, раздосадованная подобными новшествами, не уйдетъ въ море! Хотятъ все озеро вспахать, все больше и больше земли бросаютъ въ него. Мало осталось ему жить, но онъ еще увидитъ, какъ за недостаткомъ м#ста посл#дній угоръ исчезнетъ въ море, направляясь къ устью Перелльо. А Тони весь отдался этому разбойничьему д#лу! Онъ, старикъ, увидитъ, какъ его сынъ, изъ рода *Голубей*, превратится въ *мужика*. И старикъ см#ялся, точно представлялъ себ# неосуществимое д#ло!

Время шло и сноха подарила ему внука, Тонета. Д#душка часто по вечерамъ носилъ его на рукахъ до берега канала, сунувъ трубку въ уголъ беззубаго рта, чтобы дымъ не тревожилъ ребенка! Ну ужъ и красавецъ – малышъ! Худая, некрасивая нев#стка была какъ вс# женщины семьи, какъ и его покойная жена. Он# рожали д#тей совершенно не похожихъ на родителей. Ласкаяя младенца, д#дъ думалъ о будущемъ. Показывая его товарищамъ д#тства, ряды которыхъ все р#д#ли, онъ пророчествовалъ:

– Вотъ кто пойдетъ въ нашъ родъ! У него не будетъ иного дома, кром# барки. Еще прежде, ч#мъ у него прор#жутся вс# зубы, онъ будетъ управлятъ весломъ!

Однако еще не прор#зались у ребенка зубы, какъ произошло событіе, которое д#душка *Голубь* считалъ самымъ невозможнымъ на св#т#. Въ трактир# ему сказали, что Тони заарендовалъ около Салера какія#то рисовыя поля, принадлежащія одной дам# изъ Валенсіи и когда онъ къ ночи поднялъ объ этомъ разговоръ, онъ былъ ошеломленъ, такъ какъ сынъ не скрывалъ своего преступленія.

Когда это было видно, что у кого#нибудь изъ ихъ рода былъ хозяинъ? Семья ихъ всегда была свободна, какъ свободными должны быть вс# божьи д#ти, уважающія себя хоть немного и снискивающія себ# пропитаніе, охотясь или занимаясь рыбной ловлей. Ихъ господами былъ король или тотъ воинъ изъ Франціи, который былъ главнымъ капитаномъ въ Валенсіи. Эти господа, жившіе далеко, не шли въ счетъ и ихъ можно было терп#ть въ виду ихъ величія. Но чтобы его сынъ сд#лался арендаторомъ какой#то франтихи изъ города, чтобы онъ отдавалъ ей часть своей работы звонкой монетой! Глупости! Надо пойти поговорить съ сеньорой и уничтожить договоръ! Ихъ родъ никому не сл#жилъ и не будетъ служить, пока въ озер# есть еще ч#мъ питаться, хотя бы то были лягушки…

Удивленіе старйка еще возросло, когда онъ натолкнулся на неожиданное упорство Тони. Тони достаточчно обдумалъ планъ и не раскаивается въ немъ. Онъ думалъ о жен#, о маленькомъ сын#, котораго держалъ на рукахъ, и чувствовалъ приливъ честолюбивыхъ замысловъ. Что они такое? Нищіе озера, жившіе, какъ дикари, въ хат#, питаясь только рыбой и уб#гая, какъ преступники, передъ сторожами, когда убивали птицу, чтобы пополнить котелокъ ч#мъ#нибудь посущественн#е. Нахл#бники охотниковъ, #дящіе мясо только тогда, когда чужестранцы позволяютъ имъ воспользоваться ихъ провизіей. И эта нищета переходитъ отъ отца къ сыну, какъ будто они пригвождены къ илу Альбуферы! У нихъ н#тъ другихъ желаній и ведутъ они ту же жизнь, какъ жабы въ каналахъ, которыя счастливы, когда встр#тятъ въ вод# нас#комыхъ.

Н#тъ, онъ не хочетъ подчиняться! Онъ желаетъ вырвать семью изъ ея жалкаго состоянія. Онъ желаетъ работать не только для того, чтобы #сть, но и для того, чтобы копить. Обработка рисовыхъ полей, д#ло выгодное, работы не много, а прибыль большая. Это настоящая божья благодать! Ничто не даетъ такого дохода! Въ іюн# с#ютъ, а въ сентебр# собира[1] ютъ жатву. Нужно немножко унавозить землю, естъ коекакая другая работа, всего три м#сяца. Собирается жатва, вода на озер#, подъ вліяніемъ зимнихъ дождей, наводняетъ поля, и жди сл#дующаго года!.. Прибыль прячется, а остальные м#сяцы можно открыто ловить рыбу или тайкомъ охотиться, для поддержанія семьи. Чего еще можно желать! Д#дъ былъ б#днякомъ и посл# ц#лой собачьей жизни ему удалось только построить хату, гд# они живутъ среди копоти и дыма! Отцу, котораго онъ такъ уважаетъ, не удалось ничего скопить подъ старость. Пусть предоставятъ ему работать, какъ онъ хочетъ, и его сынъ, его маленькій Тонетъ, будетъ богачомъ, будетъ обрабатывать поля, границъ которыхъ не видно, и можетъ быть на м#ст# хижины со временемъ подымется лучшій домъ во всемъ Пальмар#. Отецъ не правъ, негодуя на потомство, за то, что оно хочетъ обрабатывать землю. Лучше быть мужикомъ, ч#мъ бродить по озеру, часто испытывая голодъ и рискуя получить пулю изъ ружья стражника Деесы.

Дядюшка *Голубь*, побл#дн#вшій отъ б#шенства, слушая доводы сына, пристально гляд#лъ на весло, лежавшее вдоль ст#ны, и руки его невольно, тянулись къ нему, чтобы однимъ ударомъ размоджжитъ сыну черепъ. Въ былое время онъ поступилъ бы такъ, считая себя на это вправ# посл# такого покушенія на его власть патріарха – отца.

Но онъ посмотр#лъ на сноху съ младенцемъ на рукахъ, и, казалось, оба эти существа увеличивали значеніе сына, поднимая его до его собственнаго уровня. Сынъ тоже былъ отцомъ, челов#комъ равноправнымъ. Въ первый разъ отдалъ онъ себ# отчетъ въ томъ, что Тони уже не былъ т#мъ малъчикомъ, который стряпалъ когда#то ужинъ, пугливо склоняя голову передъ однимъ его взоромъ. И дрожа отъ гн#ва при мысли, что не можетъ уже побить его, какъ въ былые годы, когда онъ совершалъ въ барк# какой#нибудь промахъ, онъ ворча

излилъ свой гн#въ. Ну хорошо! Каждый пусть будетъ при своемъ. Одинъ пусть ловитъ рыбу, другой ковыряетъ поле. Жить они будутъ вм#сг#, разъ иначе нельзя. Его годы не позволяютъ ему спать посреди озера, подъ старость онъ страдаетъ ревматизмомъ. Но они будутъ жить отд#льно, словно незнакомы другъ съ другомъ. О если бы воскресъ родоначальникъ, перевозившій Сюше, и увид#лъ бы позоръ семьи!

Первый годъ былъ для старика сплошнымъ мученіемъ. Входя ночью въ хату, онъ натыкался на землед#льческія орудія, стоявшія рядомъ съ приспособленіями для рыбной ловли. Однажды онъ спотыкнулся о плугъ, притащенный сыномъ съ поля, чтобы его починить вечеркомъ, и онъ произвелъ на него впечатл#ніе чудовишнаго дракона, растянувшагося посреди хаты. Вс# эти стальные пгедметы возбуждали въ немъ холодъ и б#шенство. Стоило ему увид#ть, какъ въ н#сколькихъ шагахъ отъ его с#тей лежитъ серпъ, чтобы ему сразу показалось, будто кривая металлическая полоска сама зашагаетъ и перер#жетъ его снасти, и онъ бранилъ нев#стку за небрежность, приказывая унести подальше, какъ можно подальше эти орудія… *мужика*. Всюду предметы, напоминавшіе ему землед#льческія работы! И это въ хат# рода *Голубей*, гд# никогда не видно было другой стали, кром# кривыхъ ножей для очистки рыбы. Онъ готовъ лопнуть отъ б#шенства!

Во время пос#ва, когда земля была суха и принимала плугъ, Тони приходилъ домой, обливаясь потомъ, посл# того, какъ ц#лый день подгонялъ наемныхъ лошадей. Отецъ его ходилъ вокрутъ да около него, принюхиваясь къ нему съ чувствомъ злорадства, и б#жалъ въ трактиръ, гд# дремали за чаркой товарищи; добраго стараго времени. Кабальеросъ, удивительная; новость! Отъ его сьша пахнетъ лошадьми! Ха, ха! На остров# Пальмар# – лошади! По истин# міръ на изнанку!

Если не считать подобныхъ изліняій, дядюшка *Голубь* держалъ себя холодно и замкнуто въ семь# сына. Онъ возвращался въ хату ночью, съ сверткомъ с#тей, въ которыхъ находились пойманные угри и, толкнувъ ее ногой, приказывалъ нев#стк# дать ему м#сто у очага. Онъ самъ готовилъ себ# ужинъ. Иногда онъ свертывалъ угрей кольцомъ, проткнувъ ихъ деревяшкой, и поджаривалъ терп#ливо со вс#хъ сторонъ, какъ на вертел#. Иногда же онъ отыскивалъ въ барк# свой старый неоднократно исправленный котелъ и варилъ огромнаго линя, или же мастерилъ луковую похлебку, изъ лука и угрей, какъ будто готовилъ #ду для половины деревни.

Маленькій худой старикъ отличался той же прожорливостью, какъ и вс# старики Альбуферы. Какъ сл#дуетъ, онъ #лъ только на ночь, вернувшись домой; ус#вшись на полу въ углу, поставивъ котелъ между кол#нами, онъ проводилъ ц#лые часы, не говоря ни слова, работая об#ими челюстями старой козы, поглощая такое огромное количество пищи, которое, каэалось, не ум#стится въ челов#ческомъ желудк#.

Онъ #лъ то, что принадлежало ему, то, что добывалъ днемъ, не заботясь о томъ, что #ли его д#ти, никогда не предлагая имъ часть своей пищи. Пусть каждый существуетъ своимъ трудомъ! Глаза его блест#ли злораднымъ блескомъ, когда вид#ли на стол# семьи, какъ единственную пищу, кастрюлю съ рисомъ, тогда какъ онъ обгладывалъ кости какой#нибудь птицы, подстр#ленной въ тростникахъ, когда сторожа были далеко.

Тони не противод#йствовалъ отцу. Нечего было также думать подчинить его себ#. Взаимное отчуждеініе продолжалось. Маленькій Тонетъ былъ единственнымъ связующимъ звеномъ между ними. Часто внукъ подходилъ къ дядюшк# *Голубю*, привлеченный пріятнымъ залахомъ его котла.

– На, б#днякъ, на теб#! – говорилъ д#дъ съ н#жнымъ состраданіемъ, точно вид#лъ его въ самой ужасной нищет#.

И онъ угощалъ его ножкой лысухи, жирной и невкусной, и улыбался при вид# того, какъ малышъ пожиралъ ее.

Когда онъ устраивалъ съ старыми пріятелями пирушку въ трактир#, то бралъ съ собой внука, ни слова не говоря родителямъ. Иногда устраивалея и настоящій праздникъ. Съ утра, почувствовавъ страсть къ приключеніямъ, дядюшка *Голубь* отправлялся съ такимъ же старымъ, какъ онъ, товарищемъ въ л#сную чащу Деесы. Долго ждутъ они, лежа на живот# въ кусгарник#, сл#дя за стражами, не подозр#вающими о ихъ присутствіи… Какъ только покажутся кролики, прыгая вокругъ кустовъ – пали! пара въ м#шк# и б#ги скор#е къ барк# и см#йся потомъ на середин# озера надъ б#гающими по берегу стражниками, тщетно разыскивающими браконьеровъ. Такія см#лыя вылазки д#лали дядюшку *Голубя* снова молодымъ. Стоило только послушать его ночью въ трактир#, когда онъ готовилъ добычу охоты, какъ онъ хвастался своими подвигами передъ пріятелями, которые платили за вино. Ни одинъ парень не отважится сд#лать это! И когда благорааумные говорили ему о закон# и карахъ, рыбакъ гордо выпрямлялъ свой станъ, согнувшійся подъ тяжестью л#тъ и постоянной работы весломъ. Сторожа – это просто бродяги, исполеяющіе свою службу, потому что не хотятъ работать, а сеньоры, арендовавшіе м#сто для охоты, не бол#е какъ разбойники, желающіе все им#ть для оебя. Альбуфера принадлежитъ ему и вс#мъ рыбакамъ! Если бы они родились во дворц#, они были бы королями. Разъ Богъ вел#лъ имъ родиться зд#сь, то конечно ради чего#нибудь. Все прочее ложь, придуманная людьми!

И покончивъ съ ужиномъ, когда въ кружкахъ уже почти не оставалось вина, дядюшка *Голубь* гляд#лъ на заснувшаго на его кол#няхъ внучка и показывалъ его пріятелямъ. Этотъ малецъ станетъ настоящимъ сыномъ Альбуферы! Д#дъ самъ его воспитаетъ, чтобы онъ не пошелъ по ложному пути отца. Мальчикъ научится обращаться съ ружьемъ съ изумительной ловкостью, будетъ знать дно озера, какъ угорь, и когда умретъ д#дъ, вс# прі#зжающіе сюда охотники встр#тятъ барку другого *Голубя*, только бол#е молодого, какимъ онъ былъ самъ, когда королева с#ла въ его лодку, см#ясь надъ его выходками и шутками.

За исключеніемъ этихъ моментовъ н#жности рыбакъ продолжать питать къ сыну скрытую непріязнь. Онъ и вид#ть не хот#лъ презр#нную землю, которую обрабатывалъ сынъ, но онъ не забывалъ о ней и см#ялся съ дьявольской радостью, узнавая, что д#ла сына идутъ плохо. Въ первый годъ какъ разъ, когда рисъ колосился, земля его пропиталась селитрой и почти весь урожай погибъ. Дядюшка *Голубь* съ удовольствіемъ разсказывалъ вс#мъ объ этомъ несчастьи. Однако зам#тивъ, что семья сына охвачена печалью и находится въ ст#сненномъ положеніи всл#дствіи безполезныхъ затратъ, онъ ощутилъ къ нему бол#е мягкое чувство и даже нарушилъ свое безмолвіе, чтобы помочь сов#томъ. Ужели онъ и теперь не уб#дился, что онъ житель воды, а не мужикъ? Пусть онъ оставитъ поля окрестнымъ людямъ, изстари занимавшимся т#мъ, что истощали ихъ. Онъ – сынъ рыбаковъ и обязанъ вернуться къ с#тямъ!

Тони въ отв#тъ ворчалъ не въ дух#, заявляя о своемъ нам#реніи продолжать д#ло и старикъ снова погрузился въ свою безмолвную ненависть. Ахъ, упрямецъ! И онъ желалъ, чтобы на землю сына обрушились всяческія невзгоды, какъ единственное средство сломать его гордое упрямство. Дома онъ ни о чемъ не разспрашивалъ, но когда его лодка встр#чалась на озер# съ большими баркасами, шедшими изъ Салера, онъ осв#домлялся о ход# жатвы и испытывалъ н#которое чувство удовлетворенія, когда ему объявляли, что годъ будетъ плохой. Его упрямый сынъ умретъ голодной смертью! Чтобы им#ть кусокъ хл#ба, онъ долженъ будетъ на кол#няхъ просить ключъ отъ стараго садка, съ разрушеннымъ соломеннымъ нав#сомъ, который у нихъ быдъ около Пальмара!

Бури конца л#та наполняли его радостью. Онъ желалъ, чтобы разверзлись вс# небесныя хляби, чтобы изъ береговъ выступила р#чка, впадавшая въ Альбуферу, питая ее; чтобы воды озера ринулись на поля, какъ это иногда бывало, затопляя созр#вшія для жатвы колосья. Мужики помрутъ съ голода, тогда какъ у него будетъ достаточный уловъ, и онъ получитъ удовольствіе увид#ть, какъ сынъ будеть кусать себ# локти и молить о помощи.

Къ счастью для Тони, злобныя пожеланія старика не исполнились. Подошли хорошіе года. Въ хат# царило н#которое благосостояніе, #ды было вдоволь и храбрый труженикъ уже мечталъ, какъ о неосуществимомъ счастьи, о возможности въ одинъ прекрасный день обрабатывать свою собственную землю, о томъ, что онъ не долженъ будетъ разъ въ году отправляться въ городъ, чтобы отдать почти весь продуктъ урожая.

Въ жизни семьи случилось одно событіе. Тонетъ выросталъ, а мать его грустила. Мальчуганъ уже отправлялся съ д#душкой на озеро; когда онъ станетъ побольше, онъ будетъ сопровождать отца въ поле и б#дная женщина останется въ хат# одна.

Она думала о своемъ будущемъ и грядущее одиночество наполняло ее страхомъ. О если бы у нея были еще д#ти! Съ наибольшимъ жаромъ просила она у неба дочки. А дочь не являлась, не могла явиться, какъ утверждалъ д#душка *Голубь*. Виной была сама сноха. Д#ло женское! Во время родовъ ей плохо помогали сос#дки изъ Пальмара. Поэтому она всегда была больной и бл#дной, цв#та бумаги, была не въ сидахъ долго безъ боли стоять на ногахъ, а иногда съ трудомъ волочила; ноги, со стонами, которые подавляла со слезами на глазахъ, чтобы не встревожить своихъ.

Тони страстно желалъ исполнить желаніе жены. Онъ ничего не им#лъ противъ того, чтобы им#ть д#вочку въ дом#. Она была бы въ помощь больной. И вотъ они по#хали вдвоемъ въ городъ и привезли оттуда шестил#тнюю д#вочку, робкаго, дикаго и некрасиваго зв#рка, котораго взяли изъ воспитательнаго дома. Звали ее Висантетой… Однако, чтобы она не забыла о своемъ происхожденіи, ее называли со свойственной нев#жественному люду безсознательной жестокостью *Подкидышемъ*.

Рыбакъ возмущенно ворчалъ. Еще лишній ротъ! Маленькій Тонетъ, наоборотъ – ему было десять л#тъ – встр#тилъ маленькую д#вочку очень радостно, такъ какъ могъ мучить ее своими капризами и придирками единственнаго избалованнаго сына.

Изъ вс#хъ обитателей хаты къ *Подкидышу* относилась ласково только больная женщина, съ каждымъ днемъ все бол#е слаб#вшая и страдавшая. Несчастная искусственно создавала себ# иллюзію, будто у нея есть дочь и по вечерамъ, усаживая ее въ дверяхъ хаты, съ лицомъ, обращеннымъ къ солнцу, расчесывала ея рыжія косички, обильно смазанныя масломъ.

Д#вочка походила на живую послушную собачку, разылекавшую обитателей хаты своей б#готней. Молча покорялась она утомительной работ# и вс#мъ злымъ прихотямъ Тонета. Напрягая изо вс#хъ силъ свои рученки, тащила она отъ канала къ дому кувшинъ, наполненный водой Деесы, такой же большой, какъ она сама. То и д#ло б#гала она по деревушк#, исполняя порученія новой матери, а за столомъ #ла, опустивъ глаза, не осм#ливаясь сунуть ложку въ миску, пока та до половины не была опустошена. Д#душка *Голубь*, всегда молчаливый, гляд#вшій такъ сурово, внушалъ ей большой страхъ. Такъ какъ ночью об# каморки были заняты, одна – супругами, другая Тонетомъ и д#душкой, то она спала у очага, посредин# хаты, на ил#, который просачивался сквозь паруса, служившіе ей постелью, укрываясь с#тями отъ порывовъ в#тра, врывавшагося черезъ печную трубу и щели разъ#денной крысами двери.

Единственнымъ хорошимъ для нея временемъ были вечера. Все м#стечко погружалось въ тишину, мужчины были или на лагун# или на поляхъ. Она садилась съ матерью у дверей хаты чинить паруса или вязать с#ти, и он# разговаривали съ сос#дками въ великомъ безмолвіи безлюдной, неправильной улицы, поросшей травой, въ которой копошились куры и крякали утки, подставляя солнцу свои влажныя б#лыя крылья.

Тонетъ не пос#щалъ больше школу, сырое маленькое пом#щеніе, за которое платило городское управленіе, гд# мальчики и д#вочки въ пропитанномъ тяжелымъ запахомъ воздух# проводили ц#лый день, читая по складамъ или расп#вая молитвы.

Онъ былъ уже настоящимъ мужчиной, какъ говорилъ его д#дъ, щупавшій мускулы его рукъ и ударявшій его въ грудь. Въ его годы *Голубь* уже самъ прокармливалъ себя рыбной ловлей и стр#лялъ по вс#мъ видамъ птицъ, существовавшимъ въ Альбуфер#.

Мальчикъ съ удовольствіемъ сопровождалъ д#да во время его экспедицій по вод# и суш#. Научился д#йствовать весломъ, скользилъ, быстро какъ молнія, въ одной изъ малеиысихъ лодокъ дядюшки *Голубя* и когда прі#зжали охотники изъ Валенсіи, онъ устраивался на носу барки или помогалъ д#ду устанавливать парусъ, выпрыгивая на берегъ въ критическія минуты, чтобы схватить веревку и потащить барку.

Потомъ пріучался къ охот#. Научился д#йствовать сравнительно легко ружьемъ д#да, настоящей пищалью, которую можно было отличить по одному грохоту отъ вс#хъ ружей, им#вшихся въ Альбуфер#. Дядюшка *Голубь* клалъ сильные заряды и первые выстр#лы заставили мальчика такъ покачнуться, что онъ чуть не упалъ на дно барки. Постепенно онъ приручилъ стараго зв#ря и м#тко билъ лысухъ къ великому удовольствію д#да.

Вотъ какъ надо воспитьтать д#тей! По его мн#нію, Тонетъ долженъ #сть только то, что убьетъ изъ ружья или выловитъ изъ озера! Во время этого суроваго воспитанія дядюшка *Голубь* подм#тилъ въ своемъ ученик# признаки какой#то разслабленности. Онъ любилъ стр#лять и ловить рыбу. Но ему не нравилось вставать до зари, ц#лый день д#йствовать, вытянувъ руки, весломъ, и тащить, какъ лошадь, за веревку барку. Рыбакъ понялъ въ чемъ д#ло: то, что его внукъ ненавид#лъ инстинктивной ненавистью, что возмущало все его существо, былъ – трудъ. Тщетно говорилъ д#дъ о большой ловл#, которая предстоитъ завтра въ томъ или другомъ м#ст# Альбуферы. Стоило только рыбаку отвлечься и внукъ нсчезалъ. Онъ предпочиталъ б#гать по Деес# съ сос#дними мальчиками, растягиваться подъ сосной и ц#лыми часами слушать чириканіе воробьевъ на в#твистыхъ верхушкахъ или гляд#ть, какъ порхаютъ надъ л#сными цв#тами б#лыя бабочки или бронзовые шмели. Д#дъ наставлялъ его безъ прока. Потомъ р#шилъ побить, но Тонетъ, какъ маленькій дикій зв#рокъ, уб#жалъ и сталъ подбирать камни, чтобы защищаться. Старикъ примирился и какъ прежде отправлялся на озеро одинъ.

Онъ самъ всю жизнь провелъ въ труд#. Сынъ его Тони, хотя и сошелъ съ дороги, увлекшись крестьянскимъ трудомъ, но былъ еще способн#е его самого въ тяжелой физической работ#. Въ кого же пошелъ этотъ мошенникъ? Господи Боже! К#мъ онъ рожденъ, этотъ мальчикъ съ его неодолимымъ отвращеніемъ къ труду; съ его страстью къ ненодвижности, съ его привычкой ц#лыми часами отдыхать на солнц#, словно жаба на краю канала.

Все м#нялось въ этомъ мір#, котораго старикъ никогда не покидалъ. Альбуферу видоизм#няли люди, принявшіеся ее обрабатывать, и вм#ст# съ т#мъ видоизм#нялись до неузнаваемости и сами люди, какъ будто преданія озера на в#ки исчезли. Сыновья рыбаковъ становились рабами земли. Внукъ поднималъ руку, вооруженную камнемъ, на д#да. На озер# видн#лись баркасы, нагруженные углемъ. Рисовыя поля распростирались во вс# стороны, вр#зывались въ озеро, высасывая его воду, вторгались въ л#съ, пролагая въ немъ большія прос#ки. О Боже! Лучше ужъ умереть, ч#мъ вид#ть все это, ч#мъ присутствовать при гибели міра, который онъ считалъ в#чнымъ.

Чужой среди своихъ, онъ питалъ сильную любовь только къ матери – Альбуфер#. Каждый день наблюдалъ онъ за ней, какъ будто хот#лъ на с#тчатой оболочк# своихъ хитрыхъ и живыхъ глазъ сильнаго старика, сохранить отпечатокъ всей воды озера и вс#хъ безчисленныхъ деревьевъ Деесы.

Паденье каждой сосны въ л#су онъ немедленно же зам#чалъ на большомъ разстояніи, съ самой середины озера. Еще одна! Пустое м#сто, которое оставалось въ зеленой чащ#, вызывало въ немъ такое же грустное настроеніе, какъ будто онъ смотритъ въ пропасть могилы. Онъ проклиналъ арендаторовъ Альбуферы, этихъ ненасытныхъ разбойниковъ. Обитатели Пальмара воровали, правда, дерево въ л#су, на ихъ очаг# гор#ли только

дрова изъ Деесы, однако они довольствовались кустарникомъ, упавшими сухими стволами. А эти незримые сеньоры, обнаруживавшіе свое присутствіе только путемъ ружья стражника или судейскихъ фокусовъ, съ величайшимъ спокойствіемъ срубали старыя деревья, гигантовъ, которые вид#ли его, когда онъ былъ еще маленькимъ и ползалъ въ барк#. Они были уже огромными, когда его отецъ, первый *Голубь*, жилъ среди дикой Альбуферы, убивая ударами камышевой палки зм#й, киш#вшихъ на берегу, все же бол#е симпатичныхъ, ч#мъ современные люди.

Грустя о гибели стараго міра, онъ уходилъ въ самые дикіе уголки, куда не проникли еще люди – эксплуататоры. Видъ старой норіи возбуждалъ въ немъ дрожь, и онъ гляд#лъ съ волненіемъ на черное, разъ#денное червями колесо, на пустыя, поломанныя бадьи, полныя соломы, откуда, зам#тивъ его приближеніе, толпою выпрыгивали крысы. То были развалины мертвой Альбуферы, подобно ему самому, воспоминанія о лучшемъ прошломъ.

Желая отдохнуть, онъ причаливалъ къ равнин# Санча, къ лагунамъ съ ихъ липкой поверхностью и высокимъ камышемъ. И созерцая мрачный зеленый пейзажъ, гд#, казалось, все еще трещатъ кольца легендарнаго чудовища, онъ наслаждался мыслью, что есть хоть одинъ кусокъ земли, незапятнанный жадностью современныхъ людей, въ рядахъ которыхъ – увы! – находился и его собственный сынъ.

III

Когда дядюшка *Голубь* отказался отъ суроваго воспитанія внука, посл#дній вздохнулъ съ облегченіемъ.

Онъ скучалъ, сопровождая отца на поля Салера и съ безпокойствомъ думалъ о своемъ будущемъ, видя, какъ тотъ стоялъ на илистой почв# рисоваго поля, среди піявокіъ и жабъ, съ мокрыми ногами и сожженнымъ солнцемъ т#ломъ. Его инстинктъ л#ниваго мальчика возмущался. Н#тъ, онъ не посл#дуетъ прим#ру отца, онъ не будетъ обрабатывать поле. Быть карабинеромъ, чтобы им#ть возможность растянуться на песк# берега, или жандармомъ, въ род# т#хъ, что приходили изъ уэрты Русафы съ желтьми ремешками и съ б#лой покрышкой на затылк#, казалось ему интересн#е, ч#мъ обрабатывать рисовыя поля, обливаясь потомъ, стоя въ вод#, съ ногами распухшими оть укусовъ.

Въ первое время, когда онъ сопровождалъ д#да на Альбуферу, онъ считалъ такую жизнь сносной. Ему нравилось бродить по озеру, #хать, куда глаза глядятъ безъ опред#ленной ц#ли, изъ одного канала въ другой, останавливаясь посредин# Альбуферы, чтобы поболтать съ рыбаками. Иногда онъ выходилъ на островки и свистомъ раздражалъ одиноко бродившихъ быковъ. Иногда онъ входилъ въ Деесу, собирая ежевику или разрушая кроличьи норы, ища въ нихъ молодыхъ кроликовъ. Д#дъ хвалилъ его, когда онъ подстерегалъ спавшую лысуху или «зеленую шейку» и укладывалъ ихъ в#рнымъ выстр#ломъ изъ ружья…

Еще больше ему нравилось лежать по ц#лымъ часамъ въ барк# на спин#, слушая разсказы д#да о прошлыхъ временахъ. Дядюшка *Голубь* вспоминалъ о самыхъ зам#чательныхъ событіяхъ своей жизни, о своемъ обращеньи съ важными особами, о контрабандистскихъ наб#гахъ во время юности, не обходившихся безъ стр#льбы, или, углубляясь въ свои воспоминанія, онъ говорилъ объ отц#, первомъ *Голуб#*, повторяя то, что въ свою очередь слышалъ отъ него.

Этотъ рыбакъ былыхъ временъ, никогда не покидавшій Альбуферы, былъ свид#телемъ великихъ событій. И дядюшка *Голубь* разсказывалъ внуку о путешествіи къ Альбуфер# Карлоса IV и его супруги, когда онъ самъ еще и не родился на св#тъ. Это однако нисколько не м#шало ему описать Тонету большія палатки съ флагами и коврами, воздвигнутыя между соснами Деесы для королевскаго пиршества, музыкантовъ, своры собакъ, лакеевъ съ напудренными париками, сторожившихъ тел#ги съ съ#стными припасами. Король въ охотничьемъ костюм# обходилъ стр#лковъ – крестьянъ изъ Альбуферы, почти обнаженныхъ, вооруженныхъ старыми пищалями, удивляясь ихъ подвигамъ, тогда какъ Марія Луиса гуляла въ т#нистомъ л#су подъ руку съ дономъ Мануэлемъ Годой.

И вспоминая объ этомъ знаменитомъ пос#щеніи, старикъ зап#валъ п#сенку, которой его научилъ отецъ:

Подъ т#нью зеленой сосны
Говоритъ королю королева:
Люблю тебя очень, Карлитосъ,
Но больше люблю Мануэля.

Его дрожавшій голосъ принималъ во время п#нія насм#шливое выраженіе, при каждомъ стих# онъ подмигивалъ, какъ тогда, когда обитатели Альбуферы придумали четверостишіе, мстя за экскурсію, которая своей пышностью казалась насм#шкой надъ смиренной нищетой рыбаковъ.

Эта счастливая для Тонета пора продолжалась недолго. Д#дъ становился все требовательн#е и деспотичн#е. Видя, что внукъ наловчился управлять баркой, онъ уже не позволялъ

ему бродить, когда захочется. Съ утра онъ поднималъ его на ловлю, точно засаживалъ въ темницу. Онъ долженъ былъ собрать опущенныя прошлой ночью большія с#ти, въ которыхъ извивались угри, и снова опустить ихъ: работа, требовавшая изв#стнаго напряженія, заставлявшая его стоять на краю барки подъ жгучими лучами солнца.

Д#дъ сл#дилъ неподвижно за работой мальчика, не оказывая ему помощи. Возвращаясь домой, старикъ растягивался на дн# барки, какъ илвалидъ, предосгавляя вести ее внуку, который задыхался, д#йствуя весломъ. Рыбаки издали прив#тствовали морщинистое лицо дядюшки *Голубя*, показывавшееся у края барки. «Ахъ, хитрецъ. Какъ удобно онъ устроился! Безд#льничаетъ, какъ пальмарскій попъ, а б#дный внукъ обливается потомъ, работая весломъ!» Д#дъ возражалъ съ авторитетностью учителя: «Такъ учатся люди! Точно такъ же его самого училъ отецъ!»

Потомъ наступало время ловли острогой: по#здка по озеру отъ заката и до восхода солнца, въ темнот# зимнихъ ночей. Тонетъ присматривалъ на носу за кучей сухихъ листьевъ, гор#вшихъ, какъ факелъ, распространяя по черной вод# широкую кровавую полосу. Д#дъ становился на корм# съ острогой въ рук#: это былъ жел#зный трезубецъ съ острымъ концомъ, страшное орудіе, которое впившись въ предметъ могло быть оторвано только съ большими усиліями и страшными сл#дами разрушенія. Св#тъ проникалъ до самаго дна озера. Ясно выступали раковины, водоросли, ц#лый таинственный міръ, незримый днемъ. Вода была такъ прозрачна, что, казалось, барка носится въ воздух#. Обманутыя св#томъ рыбы сл#по бросались на красное сіяніе и – цапъ! – каждымъ ударомъ дядюшка *Голубь* вытаскивалъ изъ глубины жирную рыбу, отчаянно трепетавшую на конц# остраго трезубца.

Этотъ способъ рыбной ловли приводилъ Тонета на первыхъ порахъ въ восторгъ. Однако мало – по – малу развлеченіе превратилось въ рабство и онъ начиналъ ненавид#ть озеро, съ тоской глядя на б#лые домики Пальмара, выд#лявшіеся на темной линіи тростниковъ.

Съ завистью вспоминалъ онъ о первыхъ годахъ, когда свободный отъ всякихъ другихъ обязанностей, кром# пос#щенія школы, онъ б#галъ по вс#мъ уличкамъ деревушки, слыша, какъ всюду сос#дки называли его хорошенькимъ и поздравляли мать.

Тогда онъ былъ еще своимъ собственнымъ господиномъ. Больная мать говорила съ нимъ съ бл#дной улыбкой, извиняя вс# его выходки, а *Подкидышъ* выносила вс# его дерзости съ кротостью низшаго существа, съ благогов#ніемъ взирающаго на бол#е сильное. Киш#вшая между хатами д#твора вид#ла въ немъ своего предводителя и вс# шли вдоль канала, бросая камнями въ утокъ, уб#гавшихъ, крякая подъ крики женщинъ.

Разрывъ съ д#домъ обозначалъ возвращеніе къ старой вольной жизни. Онъ уже не будетъ уходить изъ Пальмара до зари, чтобы до ночи оставаться на озер#. Весь день былъ въ его распоряженіи въ этой деревушк#, гд# изъ мужчинъ оставались только священникъ, школьный учитель и начальникъ морскихъ карабинеровъ, который прогуливался съ своими свир#пыми усами и краснымъ носомъ алкоголика на берегу канала, между т#мъ, какъ женщины пряли въ дверяхъ, оставляя улицу въ распоряженіе д#тишекъ.

Освободившись отъ труда, Тонетъ возобновилъ старыя дружбы. У него было два товарища, родившіеся по сос#дству: Нелета и *Піавка*.

Д#вочка не им#ла отца. Ея мать была торговкой угрями въ город#. Въ полночь она нагружала свои корзины на баркасъ, именуемый «тел#гой угрей». По вечерамъ она возвращалась въ Пальмаръ, рыхлая и тучная, утомленная дневнымъ путешествіемъ, ссорами и торгомъ на рынк#. Б#дная женщина ложилась до наступленія ночи, чтобы встать съ первыми зв#здами и такая ненормальная жизнь не позволяла ей заботиться о дочери. Д#вочка росла на попеченіи сос#докъ и главнымъ образомъ матери Тонета, часто дававшей ей по#сть и обращавшейся съ ней, какъ съ новой дочкой. Д#вочка была однако мен#е послушна, ч#мъ

Подкидышъ, и предпочитала сопровождать Тонета въ его экскурсіяхъ, вм#сто того, что по ц#лымъ часамъ сид#ть и учиться вязать с#ти.

Піавка носилъ ту же кличку, какъ его отецъ, самый знаменитый пьяница во всей Альбуфер#, маленькій старичокъ, высохшій отъ долгол#тняго пьянства. Оставшись вдовцомъ, съ однимъ только сыномъ, маленькимъ Піавочкой, онъ отдался алкоголю, и народъ видя, какъ онъ жадно и безпокойно посасываетъ вино, сравнилъ его съ піавкой, создавъ такимъ образомъ его кличку.

По ц#лымъ нед#лямъ онъ пропадалъ изъ Пальмара. Порой бывало изв#стно, что онъ бродилъ по деревушкамъ материка, прося милостыню у богатыхъ крестьянъ Катаррохи и Массонасы и высыпаясь въ амбарахъ. Когда онъ долгое время проживалъ въ Пальмар#, по ночамъ исчезали изъ каналовъ с#ти, верши опорожнялись до прихода ихъ хозяевъ, и не одна сос#дка, считая своихъ утокъ, съ крикомъ и плачемъ удостов#рялась въ пропаж# одной изъ нихъ. Карабинеръ громко кашлялъ и такъ близко подходилъ къ *Піавк#*, какъ будто хот#лъ ткнутъ ему въ глаза свои большіе усы. Пьяница протестовалъ, призывая въ свид#тели святыхъ, за неим#ніемъ бол#е достов#рныхъ поручителей. Просто это интриги! Людиотятъ его погубить, какъ будто недостаточно онъ уже несчастенъ и б#денъ, обитая въ худшей хат# деревушки! И чтобы успокоить свир#паго представителя закона, не разъ выпивавшаго рядомъ съ нимъ и только не признававшаго своихъ друзей за ст#нами трактира, онъ перекочевывалъ на друтой берегъ Альбуферы, не возвращаясь въ Пальмаръ впродолженіи н#сколькихъ нед#ль.

Сынъ его отказывался сл#довать за нимъ во время этихъ экспедицій. Родившись въ собачьей конур#, гд# никогда не видно было хл#ба, онъ съ д#тскихъ л#тъ пріучился самъ доставать себ# пищу и вм#сто того, чтобы сопровождать отца, старался, напротивъ, уйти отъ него, чтобы не д#литься съ нимъ плодами своей хитрости и ловкости.

Когда рыбаки садились за столъ, они вид#ли, какъ взадъ и впередъ передъ дверью хаты ходитъ чья#то меланхолическая т#нь. Она, наконецъ, останавливалась у одного изъ косяковъ двери, склонивъ голову и глядя исподлобья, какъ молодой быкъ, готовый къ нападенію.

Это былъ *Піавочка*, который обнаруживалъ свой голодъ съ лицем#рнымъ выраженіемъ смиренія и стыдливости, тогда какъ въ его плутовскихъ глазахъ блистало желаніе завлад#ть вс#мъ, что онъ вид#лъ.

Появленіе его произіводило впечатл#ніе! Б#дный мальчуганъ! И ловя на лету полуобглоданную кость лысухи, кусокъ линя или черстваго хл#ба, онъ набивалъ себ# желудокъ, переходя отъ двери къ двери. Когда собаки съ глухимъ лаемъ подб#гали къ одному изъ трактировъ Пальмара, *Піавочка* также б#жалъ туда, какъ будто былъ посвященъ въ тайну. То были охотники, стряпавшіе рисъ съ говядиной, люди изъ Валенсіи, прі#хавшіе на озоро, чтобы съ#сть знаменитое блюдо: «чеснокъ и перецъ». Когда прі#зжіе, ус#вшись передъ столикомъ трактира, принимались между #дой защищаться отъ натиска голодныхъ собакъ, имъ помогалъ мальчикъ въ лохмотьяхъ, которому и удавалось путемъ улыбокъ и отпугиванія злыхъ собакъ остаться хозяиномъ остатковъ сковороды. Отъ карабинера онъ получилъ старую солдатскую шляпу, полицейскій подарилъ ему брюки утонувшаго въ тростникахъ охотника. Его всегда босыя ноги были настолько же сильны, насколько слабы были его руки, никогда не д#йствовавшія ни шестомъ, ни весломъ.

Грязный, голодный *Піавка*, на каждомъ шагу б#шено чесавшій голову подъ грязной шляпой, пользовался большимъ авторитетомъ среди д#творы. Тонетъ былъ сильн#е его, легко расправлялся съ нимъ и всетаки считалъ себя ниже и сл#довалъ вс#мъ его указаніямъ.

Это былъ авторитетъ челов#ка, ум#вшаго существовать за собственный счетъ, не нуждаясь ни въ чьей помощи. Д#тишки смотр#ли на него съ н#которой завистью, такъ какъ ему не приходилось бояться отцовскихъ выговоровъ и у него не было никакихъ обязанностей. Къ тому же его выходки очаровывали, и малыши, получавшіе дома за мал#йшую неосмот-

рительность хорошую пощечину, считали себя настоящими мужчинами, сопровождая этого мошенника, который на все смотр#лъ, какъ на свое, и пользовался вс#мъ: не было такого оставленнаго въ баркахъ предмета, который онъ не д#лалъ своею собственностью.

Онъ объявилъ открытую войну вс#мъ обитателямъ воздуха, такъ какъ ихъ легче было ловить, нежели обитателей озера. Удивительно умнымъ способомъ собственнаго изобр#тенія охотился онъ за такъ называемыми мавританскими воробьями, опустошающими Альбуферу. Крестьяне боятся ихъ, какъ злой чумы, такъ какъ они по#даютъ значительную часть риса. Лучшимъ его временемъ было л#то, когда было изобиліе маленькихъ озерныхъ чаекъ, которыхъ онъ ловилъ с#тью.

Внукъ дядюшки *Голубя* помогалъ ему при этой работ#. Они были на половинныхъ началахъ, важно заявлялъ Тонетъ, и оба мальчика по ц#лымъ часамъ подстерегали на берегу озера птицъ, дергая за веревочку и уловляя въ с#ти неосторожныхъ. Наловивъ порядочную добычу, *Піавка* см#лый путникъ, отправлялся по дорог# въ Валенсію съ с#тью черезъ плечо, а въ ней чайки махали своими темными крылышками и съ отчаяніемъ выставляли б#лое брюшко. Маленькій разбойникъ ходилъ по ближайшимъ къ рыбному рынку улицамъ, выкрикивая своихъ птицъ и городскіе мальчики сб#гались, чтобы купить чаекъ, привязать къ ихъ лапкамъ веревку, и заставитъ ихъ летать на перекресткахъ.

На обратномъ пути между компаньонами начинались пререканія, приводившія къ полному коммерческому разрыву. Съ такимъ жуликомъ положительно нельзя сводить счеты! Тонетъ билъ, билъ *Піавку*, но не получалъ ни одного очаво изъ полученныхъ за продажу денегъ. Легков#рный, подчиняясь его хитрости, онъ однако снова приходилъ къ нему въ хату, полуразрушенную и безъ дверей, гд# тотъ спалъ одинъ большую часть года.

Когда *Піавк#* исполнилось одиннадцать л#тъ, онъ пересталъ водиться съ своими прежними друзьями. Его инстинктъ паразита побуждалъ его пос#щать церковь, ибо это былъ лучшій путь втереться въ домъ священника.

Въ такой деревушк#, какъ Пальмаръ, попъ былъ б#денъ, какъ любой рыбакъ, но *Піавка* испытывалъ невольную тягу къ вину въ церковныхъ сосудахъ: о немъ говорили въ трактир# съ большимъ восторгомъ, какъ онъ самъ слышалъ. Къ тому же л#томъ, когда оэеро, казалось, кип#ло подъ лучами солнца, маленькая церковка казалась ему заколдованнымъ дворцомъ съ ея сумеречнымъ св#томъ, проникавшимъ сквозь зеленыя окна, ея ст#нами, выштукатуренными въ б#лый цв#тъ, и поломъ изъ красныхъ кирпичей, дышавшимъ влагой болотистой почвы.

Дядюшка *Голубь*, презиравшій маленькаго разбойника за его ненависть къ труду рыбака, вознегодовалъ, когда узналъ о его новой привязанности. Ахъ, бродяга, бродяга! И какъ онъ ум#етъ выбрать себ# занятіе!

Когда священникъ отправлялся въ Валенсію, *Піавка* носилъ за нимъ до барки корзину, наполненную б#льемъ и платьемъ и шелъ по берегу прощаясь съ нимъ съ такой н#жностью, словно больше не увидитъ его. Онъ помогалъ служанк# въ хозяйств#, приносилъ дрова изъ Деесы, воду изъ ключей, бившихъ на дн# озера, и испытывалъ сладкую дрожь, какъ сластолюбивый котъ, когда въ маленькомъ пом#щеніи, служившемъ ризницей, одинъ, въ безмолвіи, уничтожалъ остатки об#да священника. По утрамъ, звоня въ колоколъ, пробуждавшій деревушку, онъ испытывалъ гордость своимъ положеніемъ. Удары, которыми священникъ оживлялъ его энергію, казались ему знаками отличія, возносившими его высоко надъ товарищами.

Порою страсть къ этой нелегкой жизни подъ с#нью церкви ослаб#вала, уступая м#сто тоск# по старой бродячей жизни. Тогда онъ отыскивалъ Нелету и Тонета и они вм#ст# устраивали прежнія игры, б#гали по берегу, до самой Деесы, представлявшейся этимъ простоватымъ товарищамъ концомъ св#та.

Однажды осенью подъ вечеръ мать Тонета послала ихъ въ л#съ за дровами. Вм#сто того, чтобы надо#дать ей, возясь въ хат#, они могли бы быть полезными, притащивъ н#сколько охапокъ сучьевъ, такъ какъ зима была недалека.

Они отправились втроемъ. Дееса цв#ла и благоухала, какъ садъ. Подъ н#жными лучами почти л#тняго солнца кустарники покрывались цв#тами и надъ ними блест#ли нас#комыя, словно золотыя почки, порхая съ глухимъ стрекотомъ. В#ковыя покривившіяся сосны тгржественно шум#ли верхушками и подъ ихъ сводами распространялся н#жный полумракъ, словно въ огромномъ собор#. Порой между двумя стволами просачивался лучъ солнца, какъ будто проходя черезъ окно.

Каждый разъ, когда Тонетъ и Нелета проникали въ Деесу, они чувствовали себя во власти одного и того же настроенія. Они испытывали страхъ, не зная, передъ ч#мъ. Они точно находились въ волшебномъ замк# великана, который вотъ – вотъ можетъ появиться.

Они шли по извилистымъ л#снымъ тропинкамъ, то спрятанные кустарникомъ, волновавшимся надъ ихъ головами, то вдругъ, всходя на самую высокую дюну, съ которой сквозь колоннаду стволовъ открывался видъ на огромное зеркало озера, испещренное барками, маленькими, какъ мухи. Ноги ихъ тонули въ земл#, покрытой корой затверд#вшаго навоза. При шум# ихъ шаговъ, при мал#йшемъ ихъ крик# кустарники содрагались отъ б#шеной скачки незримыхъ зв#рей. То были кролики, которые уб#гали. Издали доносился звонъ колокольчиковъ стадъ коровъ, пасшихся по направленію къ морю.

Д#ти казались опьяненными тишиной и благоуханіемъ яснаго вечера. Когда они пос#щали л#съ въ зимніе дни, то все – и сухіе, голые кустарники и холодный в#теръ, дувшій съ моря такъ, что рукамъ становилось морозно, наконецъ весь трагическій видъ Деесы при с#ромъ осв#щеніи затянутаго тучами неба – все заставляло ихъ быстро набрать сучьевъ на самой опушк#, чтобы потомъ безъ передышки б#жать до самаго Пальмара.

Но въ этотъ вечеръ они шли храбро впередъ, желая исходить весь л#съ, хотя бы имъ пришлось дойти до края св#та.

Ихъ путь былъ полонъ неожиданностей. Нелета съ инстинктами женщины, которая стремится быть какъ можно красив#е, вм#сто того чтобы искать сухіе сучья, рвала в#тки мирта и украшала ими свои нечесаные волосы. Потомъ срывала в#тки мяты и другихъ душистыхъ растеній, покрытыхъ цв#тами, пряный запахъ которыхъ опьянялъ ее. Тонетъ собиралъ л#сные колокольчики и, свивъ изъ нихъ в#нокъ, клалъ его на ея лохматую головку. Со см#хомъ указывалъ онъ, какъ она похожа на головки, нарисованныя надъ алтарями въ церкви Пальмара. *Піавка* искалъ своей мордочкой паразита чего#нибудь съ#добнаго въ этой сіявшей и благоухавшей природ#. Онъ проглатывалъ красныя ягоды *дикой вишни* и съ силой, которая могла быть объяснена только голодомъ, вырывалъ изъ земли капустныя пальмы, ища горькій стволъ, подъ мясистыми волокнами котораго находились н#жныя сладкія с#мена. Въ л#сныхъ прос#кахъ, низменностяхъ, лишенныхъ деревьевъ, такъ какъ въ продолженіи зимы ихъ покрывала вода, порхали стрекозы и бабочки. Б#гая, д#ти получали царапины въ ноги отъ кустарниковъ, уколы отъ остраго, какъ копья, камыша, но они см#ялись надъ болью и шли дальше, восхищенные красотой л#са. На тропинкахъ встр#чали они короткихъ, толстыхъ и блестящихъ червяковъ, словно живые цв#ты, двигавшіеся ло земл# волнообразными нервными движеніями. Они поднимали пальцами этихъ гусеницъ, глядя на нихъ, какъ на таинственныя существа, природы которыхъ они не въ силахъ разгадать, и снова клали на землю, сл#дя на четверенькахъ за ихъ волнообразными движеніями, пока они не скрывались въ кустахъ. Они б#гали за стрекозами и вс# трое смотр#ли съ восхищеніемъ на нервный полетъ самыхъ обычныхъ, красныхъ, а также на другихъ, од#тыхъ какъ волшебницы, съ серебряными крылышками, зеленой спинкой и золотой грудкой.

Бродя на авось, въ самой середин# л#са, куда они никогда не заходили, они зам#тили вдругъ, какъ изм#нился пейзажъ. Они проникли въ кусты, росшіе въ ущельяхъ, и вдругъ

очутились въ темномъ сумрак#. Съ каждымъ шагомъ слышался все ближе безпростанный ревъ. То было морк, бившееся о берегъ по ту сторону ц#пи дюнъ, замыкавшихъ горизонтъ.

Сосны не были зд#сь такими прямыми и важными, какъ ближе къ озеру. Стволы ихъ покривились, сучья были почти б#лыми и верхушки опускались внизъ. Вс# деревья склонились въ одномъ направленіи, точно въ глубокомъ безмолвіи вечера пронесся невидимый морской в#теръ. Во время бурь онъ яростно налеталъ на эту часть л#са, придавая ей мрачный видъ.

Д#ти повернули назадъ. Они много слыхали объ этой части Деесы, самой дикой и опасной. – Безмолвіе и неподвижность кустовъ нагоняли на нихъ страхъ. Тамъ скользили большія зм#и, пресл#дуемыя сторожами Деесы, и паслись дикіе быки, уединявшіеся отъ стада, заставляя охотниковъ заряжать ружья крупной солью, чаюбы, не убивая, вспугнуть ихъ.

Піавка, лучше другихъ знавшій Деесу, велъ своихъ товарищей къ озеру, но встр#чавшіяся на дорог# капустныя пальмы заставляли его сбиваться съ дороги.

Наступала ночь. Нелета начинала безпокоиться, видя, какъ въ л#су становится темно. Оба мальчика см#ялись. Сосны образовывали огромный домъ, въ которомъ было темно, какъ въ ихъ хатахъ, когда солнце еще не совс#мъ зашло, тогда какъ за л#сомъ было еще св#тло. Нечего сп#шить! И они продолжали искать капустныя пальмы. Д#вочка успокаивалась, когда Тонетъ угощалъ ее сладкими с#менами и отставала, высасывая ихъ. Когда на поворот# тропинки, она увид#ла себя одинокой, она посп#шила присоединиться къ мальчикамъ.

Теперъ въ самомъ д#л# наступила ночь… Таково было мн#ніе *Піавки*, знавшаго Деесу. Вдали уже не слышались колокольчики стада. Надо поскор#е выбраться изъ л#са, собравъ предварительно сучья, а то дома влетитъ. И они принялись искать сухіе сучья у корней сосенъ, въ кустахъ. Быстро собрали три маленькія связки и отправились ощупью въ темнот#. Еще н#сколько шаговъ и наступилъ полный мракъ. Въ той сторон#, гд# должна была лежать Альбуфера, видн#лось словно зарево потухавшаго пожара, тогда какъ въ л#су стволы и кусты едва выступали на темномъ фон#, какъ еще бол#е темныя т#ни.

Піавка терялъ прежнее спокойствіе. Онъ не зналъ, куда шелъ. Сбившись съ тропинки, они спотыкались о колючій кустарникъ, рвавшій ихъ ноги. Нелета вздыхала отъ страха, вскрикнула и упала… Ударившись о корни сосны, перер#завшіе дорогу, она ранила себ# ногу. *Піавка* настаивалъ на продолженіи пути, на томъ, чтобы бросить на произволъ судьбы неповоротливую д#вочку, ум#ющую только нюни распускатъ. Д#вочка тихо плакала, словно боясь нарушить безмолвіе л#са, и привлечь вниманіе ужасныхъ зв#рей, населявшихъ темноту, а Тонетъ потихонько грозилъ *Піавк#* сказочнымъ количествомъ щелчковъ и пощечинъ, если онъ не останется съ ними въ качеств# проводника.

Шли они медленно, ощупывая ногами почву. Уже не встр#чались имъ кустарники. Подъ ними была вязкая тродинка. Однако на вс# зам#чанія Тонетъ уже не получалъ отв#та отъ спутника, которыи шелъ впереди.

– Піавка! Піавка!

Шорохъ ломающихся сучьевъ и зад#тыхъ во время б#га кустарниковъ былъ единственнымъ отв#томъ: точно спасался дикій зв#рь. Тонетъ въ б#шенств# закричалъ: Ахъ, разбойникъ! Онъ б#жалъ, чтобы скор#е выйти изъ л#са, не хот#лъ итги съ товарищами, что бы не помогать Нелет#. Когда д#ти остались вдвоемъ, они сразу почувствовали, какъ ихъ покидаютъ посл#дніе остатки сдокойствія. Такой опытный бродяга, какъ *Піавка*, былъ для нихъ большой помощью. Испуганная Нелета, забывая всякое благоразуміе, громко плакала, и ея рыданія раздавались въ безмолвіи л#са, казавшагося безпред#льнымъ. Страхъ подруги вновь возбудилъ энергію Тонета. Обнявъ одной рукои д#вочку, онъ поддерживалъ и ободрялъ ее, спрашивалъ, можетъ ли она итти, хочетъ ли она сл#довать за нимъ все дальше, хотя б#дный мальчикъ и не зналъ, куда.

Долго они стояли, прижавшись другъ къ другу: она – рыдая, онъ охваченный страхомъ безв#стнос, стараясь однако его пересилить.

Что#то липкое и холодное пронеслось мимо нихъ, коснувшись лица. Быть можетъ, летучая мышь: и это прикосновенiе, бросавшее ихъ въ дрожь, вывело ихъ изъ печальнаго безд#йствiя. Снова они принялись быстро шагать, падая и снова поднимаясь, натыкаясь на кустарникъ, сталкиваясь съ деревьями, пугаясь шумовъ, которые побуждали ихъ ускорять б#гство. Оба думали объ одномъ и томъ же, но скрывали свою мысль изъ инстинктивной боязни увеличить страхъ. Въ ихъ памяти вставалъ образъ *Санчи*. Проходили ц#лымъ роемъ легенды озера, слышанныя ночью у очага хаты, и дотрогиваясь руками до стволовъ, они думали что прикасаются къ чешуйчатой холодной кож# огромныхъ гадовъ. Крики лысухъ, доносившiеся издали изъ тростника на озер#, казались имъ жалобнымъ стономъ убиваемыхъ. Ихъ безумное б#гство сквозь кустарники, трескъ сучьевъ, шорохъ травы пробуждали въ темныхъ кустахъ таинственныя существа, которыя уб#гали, шурша сухими листьями.

Они дошли до большой прос#ки, совершенно не представляя себ#, въ какомъ м#ст# безграничнаго л#са они находятся. Зд#сь, на открытомъ м#ст# было не такъ темно. Наверху простиралось темно – голубое небо кое – гд# св#тло блест#вшее, словно большое полотно, растянутое надъ темной массой л#са, окружавшаго равнину. Д#ти остановились на этомъ св#тломъ и спокойномъ островк#. У нихъ не было больше силъ продолжать путь. Они дрожали отъ страха передъ темной чащей деревьевъ, двигавшихся во вс# стороны, какъ море волнующихся т#ней. Они с#ли, т#сно обнявшись. словно прикосновенiе ихъ т#лъ вливало въ нихъ бодрость. Нелета перестала плакать. Поб#жденная печалью и утомленiемъ, она склонила головку на плечо друга и тихо вздыхала. Тонетъ озирался кругомъ, точно больше л#сного мрака его безпокоилъ этотъ сумеречный св#тъ, въ которомъ ему то и д#ло мерешился силуэтъ дикаго зв#ря, врага заблудившихся д#тей. Въ безмолвiи раздавалось кукованiе кукушки, лягушки въ ближнемъ болот#, умолкшiя при ихъ появленiи, снова обр#тали мужество и затягивали свою п#снь, надо#дливые большiе москиты жужжали вокругъ ихъ головъ, обозначаясь въ полумрак# въ вид# темной стрекочущей тучи.

Д#ти постепенно успокоились. Зд#сь было совс#мъ недурно. Можно было переночевать. Теплота ихъ плотно прижавшихся т#лъ, казалось, вливала въ нихъ новую жизнь, заставляя забывать о своемъ страх# и безумномъ б#гств# сквозь чащу л#са.

Надъ верхушками сосенъ, по направленiю къ морю, показалась св#тлая полоса. Казалось, зв#зды гаснутъ, погружаясь въ молочныя волны. Возбужденныя таинственностью л#са, д#ти съ тревогой смотр#ли на это явленiе, точно кто#то прилет#лъ къ нимъ на помощь, окруженный св#тлымъ ореоломъ. В#тки сосенъ съ ихъ кружевной зеленой тканью выд#лялись чернымъ рисункомъ на св#тломъ фон#. Надъ сводами л#са вспыхнуло что#то блестящее, въ вид# сначала маленькой слегка изогнутой линiи, похожей на серебряную бровь, потомъ св#тящаго полукруга и наконецъ огромнаго лица, н#жнаго цв#та меда, распространявшаго между ближайшими зв#здами свое сiянiе. Казалосъ, луна улыбается д#тямъ, взиравшимъ на нее съ благогов#нiемъ маленькихъ дикарей.

Л#съ изм#нился, какъ только показался полнощекiй ликъ луны, отъ которой тростники заблест#ли, какъ серебряные хлысты. У корней каждаго дерева простиралаоь безпокойная черная т#нь. Казалось, л#съ растетъ, удваивается, словно на св#тящейся земл# выростаетъ другой призрачный л#съ.

Дикiе соловьи озера, такъ страстно любящiе свободу, что умираютъ, если ихъ посадить въ кл#тку, зап#ли во вс#хъ концахъ прос#ки и даже москиты жужжали н#жн#е въ насыщенномъ св#томъ уголк#.

Приключенiе начинало казаться обоимъ д#тямъ интереснымъ.

Нелета уже не чувствовала боли въ ног# и спокойно говорила на ухо своему спутнику. Преждевременно развившiйся инстинктъ женщины, хитрость брошенной, бродячей

кошечки давала ей большое преимущество передъ Тонетомъ. Они останутся въ л#су! Не правда#ли? Завтра, вернувшись домой, они найдутъ предлогъ объяенить свое приключеніе. *Піавка* пусть за все отв#чаетъ! Они переночуютъ зд#сь и увидятъ то, чего никогда еще не видали. Они будутъ спать вм#ст#, будутъ какъ мужъ и жена. И въ своей наивности они дрожа произносили эти слова, еще т#сн#е прижимаясь другъ къ другу, какъ будто инстинктъ имъ подсказывалъ, что пробуждавшаяся н#жность требуетъ, чтобы они какъ можно ясн#е ощущали теплоту своихъ т#лъ.

Тонетъ испытывалъ странное необъяснимое опьяненіе. Никогда еще т#ло подруги, которую онъ такъ часто билъ во время грубыхъ игръ, не обладало такой пріятной теплотой, которая, казалось, распространялась по его жиламъ и ударяла ему въ голову, возбуждая такое же волненіе, какъ чарка вина, которой его угощалъ въ трактир# д#дъ. Онъ смотр#лъ безц#льно передъ собой, но все его вниманіе было поглощено головкой Нелеты, тяжело лежавшей на его плеч#, и н#жнымъ дыханіемъ ея рта, обдававшимъ его шею, точно ее щекочетъ чья#то бархатная рука. Оба молчали и безмолвіе только увеличивало чары минуты. Нелета открыла свои зеленые глаза, въ глубин# которыхъ луна отражалась, какъ капля росы, и принявъ бол#е удобную позу, снова закрыла ихъ.

– Тонетъ… Тонетъ! – шептала она, какъ во сн#, прижимаясь къ товарищу.

Сколько могло быть времени? Мальчикъ чувствовалъ, какъ смыкались глаза не столько оть сна, сколько отъ страннаго опьяненія, которое, казалось, подавляло его. Изъ вс#хъ шороховъ л#са онъ слышалъ только жужжанье москитовъ, летавшихъ, какъ облака, надъ грубой кожей д#тей озера. Это былъ странный концертъ, который усыплялъ ихъ, укачивая на волнахъ перваго сна. Одни п#ли, какъ писклявыя скрипки, до безконечности растягивая одну ноту, другіе, бол#е важные, пробовали ц#лую гамму, а огромные и жирные издавали глухой дрожащій звукъ, словно низкіе контрабасы или далекій бой часовъ. На сл#дующее утро сжигая ихъ лица, разбудило ихъ солнце, и лай собаки стражника, которая приблизила свою морду вплотную къ ихъ головамъ. Они находались на самой границ# Деесы и до Пальмара было всего н#сколько шаговъ.

Мать Тонета всегда добрая и грустная, поб#жала за нимъ съ весломъ въ рук#, чтобы вознаградить себя за безпокойную ночь, и слегка побила его, несмотря на его быстроту. До прі#зда матери Нелеты въ «тел#г# угрей», она на всякій случай побила и ея дочку, чтобы та не пропадала больше въ л#су.

Посл# этого приключенія, вся деревня, точно по молчаливому соглашенію, называла Тонета и Нелету женихомъ и нев#стой. Словно связанные навсегда той ночью, проведенной въ л#су въ т#сныхъ объятіяхъ, они искали другъ друга, и любили другъ друга, не высказывая своего чувства словами, какъ будто между ними было условлено, что они должны принадлежать другъ другу.

Съ этимъ приключеніемъ кончилось ихъ д#тство. Кончилась б#готня, веселая, беззаботная жизнь безъ всякихъ обязанностей.

Нелета стала вести ту же жизнь, что и мать: каждую ночь она отправлялась въ Валенсію съ корзинами угрей и возвращалась только на сл#дующій вечеръ. Тонетъ, вид#вшій ее только на мгновеніе при наступленіи ночи, работалъ съ отцомъ въ пол# или ловилъ рыбу съ нимъ и съ д#домъ. Дядюшка Тони, ран#е столь добрый, теперь, когда сынъ выросъ, былъ также требователенъ, какъ и дядюшка *Голубь*, и Тонетъ, какъ примирившееся животное, исполнялъ нехотя свою работу. Его отецъ, этотъ упрямый герой земли, былъ непреклоненъ въ своихъ р#шеніяхъ. Когда наступило время пос#ва или жатвы риса, мальчикъ ц#лый день проводилъ на поляхъ Салера. Остальную часть года онъ ловилъ рыбу, иногда съ отцомъ, иногда съ д#домъ, допускавшимъ его, какъ товарища, въ свою барку, каждый разъ ругая однако собачью судьбу, по вол# которой въ его семь# родятся такіе бродяги.

Теперъ мальчикъ работалъ отъ скуки. Въ деревушк# не оставалось никого, съ к#мъ онъ могъ бы водиться. Нелета была въ Валенсіи, а товарищи по играмъ, выросшіе, какъ и онъ самъ, обязанные зарабатывать себ# насущный хл#бъ, вы#зжали въ озеро вм#ст# съ отцами. Оставался *Піавка*, но мошенникъ посл# приключенія въ Деес# удалялся отъ Тонета, вспоминая встрепку, которой тотъ заплатилъ за изм#ну, совершенную имъ той ночью.

Какъ будто это событіе предр#шило его будущее, бродяга искалъ себ# приб#жище въ дом# священника, въ качеств# его слуги, и спалъ какъ ообака за дверью, не думая объ отц#, который лишь изр#дка появлялся въ заброшенной хат#, черезъ крышу которой падалъ дождь, какъ на открытомъ пол#.

Старый *Піавка* нашелъ себ#, наконецъ, промыселъ. Когда онъ бывалъ трезвъ, онъ посвящалъ себя охот# за выдрами. Ихъ число не доходило и до дюжины, такъ какъ ихъ испоконъ в#ка упорно пресл#довали.

Однажды вечеромъ, переваривая вино на берегу, онъ зам#тилъ на вод# круги, кип#ніе и большіе пузыри. Ктото нырялъ, между с#тями, замыкавшими каналъ, ища въ нихъ рыбу. Спустившись въ воду, съ шестомъ, который ему одолжили, онъ сталъ охотиться за темнымъ животнымъ, б#гавшимъ по дну, пока ему не удалось убить его и взять,

То была знаменитая – выдра, о которой въ Пальмар# говорили, какъ о фантастическомъ существ#, одна изъ т#хъ выдръ, которыми когда#то киш#ло озеро, и которыя разрывали с#ти, такъ что было невозможно ловить рыбу.

Старый бродяга считалъ себя теперь первымъ челов#кюмъ Альбуферы. Рыбачья община Пальмара обязана была по старымъ законамъ, занесеннымъ въ книги, хранившіяся у присяжнаго, выдавать за каждую пойманную выдру по одному дуро. Старикъ взялъ награду, но на этомъ не остановился. Животное было настоящимъ кладомъ! Онъ отправился показывать его въ гавани Катарохи и Сильи, и дошелъ въ своемъ тріумфальномъ шествіи вокругъ озера до Суеки и Кульеры.

Со вс#хъ сторонъ его звали. Не было трактира, гд# бы его не принимали съ распрастертыми объятіями. Сюда, *Піавка*! Пусть покажетъ зв#ря, котораго убилъ! И бродяга посл# н#сколькихъ стакановъ вина любовно вынималъ изъ подъ плаща б#дное животное, мягкое и вонючее, позволяя любоваться его шкурой, даже дотронуться до нея, – но только съ большой осторожностью! – чтобы удостов#риться въ ея мягкости.

Никогда руки отца не обнимали съ такой мягкостью и н#жностью маленькаго сына, когда онъ родился на св#тъ, какъ это животное! Прошло н#сколько дней, народу надо#ла выдра, никто не давалъ за нея даже и чарки водки, не было ни одного трактира, который не старался бы отд#латься отъ *Піавки*, какъ отъ зачумленнаго, ввиду нестерпимой вони, поднимавшейся изъ – подъ плаща отъ разлагавшагося животнаго. Прежде ч#мъ бросить животное, онъ извлекъ изъ него новую прибыль, запродавъ въ мастерскую для набивки чучелъ и объявилъ всему міру о своемъ новомъ призваніи. Онъ будетъ охотиться за выдрами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.